ВХ
601
Сми

Проф. П. С. Смирновъ.

ИЗЪ ИСТОРІИ
ПРОТИВОРАСКОЛЬНИЧЕСКОЙ МИССІИ
XVII ВѢКА.

Поѣздка архимандрита Игнатія и протопопа Іоанна Іоаннова въ Кинешму для увѣщанія раскольниковъ и составленное Игнатіемъ описаніе этой поѣздки.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. Меркушева. Невскій пр., № 5
1903.

302
г

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Общественных Наук
Академии Наук СССР

Изъ исторіи противораскольнической миссіи XVII вѣка.

Поѣздка архимандрита Игнатія и протопопа Іоанна Іоаннова въ Кинешму для увѣщанія раскольниковъ и составленное Игнатіемъ описаніе этой поѣздки

I.

Среди рукописей покойнаго Ундольскаго, нынѣ хранящихся въ московскомъ Румянцевскомъ Музеѣ, подъ № 1383-мъ значится: „Книга о посылкѣ Новоспасскаго монастыря архимандрита въ Костромской и въ Кинешемской уѣзды во 195-мъ году къ раскольникамъ о увѣщаніи ихъ къ истинной вѣрѣ“. Подлинной „Книги“ въ Музеѣ нѣтъ, настоящая же рукопись есть копія [1]), исполненная, надо думать, по порученію бывшаго владѣльца ея. Она написана славянскимъ текстомъ, съ титлами и надстрочными знаками. Въ текстѣ рукописи не разъ указывается имя упомянутаго въ ея заглавіи „архимандрита“,—говорится, что то былъ архимандритъ московскаго Новоспасскаго монастыря *Игнатій*. Но изъ содержанія памятника видно, что самъ Игнатій былъ и авторомъ его. Напримѣръ, упоминая о привѣтственной кинешемцамъ рѣчи, по поводу пріѣзда изъ Москвы въ Кинешму архимандрита Игнатія и протопопа Іоанна, авторъ „Книги“ говоритъ объ этомъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „архимандритъ и протопопъ, въ соборную церковь вшедши, къ собравшимся въ церкви народомъ воз-

[1]) Точный списокъ ея доставленъ намъ хранителемъ рукописнаго отдѣла въ Музеѣ Г. П. Георгіевскимъ, которому съ удовольствіемъ и выражаемъ здѣсь свою благодарность.

вѣщали милосердое жалованіе великихъ государей царей и благословеніе великаго господина святѣйшаго патріарха, что послали *насъ*, богомольцевъ своихъ, *меня*, архимандрита Игнатія, и протопопа Іоанна къ вамъ, на Кинешму". Уже изъ этого мѣста видно, что авторомъ „Книги" былъ одинъ изъ двухъ московскихъ на Кинешмѣ гостей, и именно тотъ, который произносилъ привѣтственную кинешемцамъ рѣчь,— архимандритъ Игнатій. Имя Игнатія, бывшаго въ 1687 году, когда состоялась подлежащая нашему обозрѣнію поѣздка въ Кинешму, архимандритомъ московскаго Новоспасскаго монастыря, достаточно извѣстно. Но нельзя сказать, что хорошо извѣстенъ тотъ фактъ, о которомъ говорится въ нашемъ памятникѣ. Сколько мы знаемъ, подробности этого достопримѣчательнаго событія еще не были сообщены въ литературѣ по расколу, а то, что уже занесено на ея страницы, не имѣетъ надлежащей точности. Между тѣмъ рукопись, заглавіе которой мы выписали выше, какъ можно убѣдиться при внимательномъ чтеніи ея, представляетъ возможно полный и, повидимому, не односторонній сводъ относящихся къ данному факту частностей. Поэтому для исторіи противораскольнической миссіи XVII вѣка она имѣетъ безспорно важное значеніе. Кромѣ того, рукопись нѣсколько восполняетъ фактическія свѣдѣнія по исторіи раскола вообще. Не говоримъ уже о томъ, что имѣемъ дѣло съ новымъ памятникомъ того пера, которое извѣстно и по другимъ сочиненіямъ о расколѣ. Въ виду всего этого, рѣшившись познакомить нашихъ читателей съ содержаніемъ даннаго произведенія XVII вѣка, печатаемъ вслѣдъ за тѣмъ полностію и самый текстъ его.

Игнатій, архимандритъ новоспасскій, впослѣдствіи митрополитъ тобольскій и сибирскій, происходилъ изъ дворянскаго рода Римскихъ-Корсаковыхъ и до постриженія въ монашество занималъ должность стольника при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ. Въ монашество Игнатій постригся въ Соловецкомъ монастырѣ въ 1677 году и оставался здѣсь церковнымъ уставщикомъ въ продолженіе трехъ лѣтъ. Отсюда онъ былъ переведенъ въ архимандрита сначала Спасскаго монастыря въ Ярославлѣ, а потомъ московскаго Новоспасскаго монастыря. 3 апрѣля 1692 года Игнатій былъ хиротонисанъ въ епископа съ возведеніемъ въ санъ митрополита сибирскаго и тобольскаго. Какъ архипастырь, вообще ревностно заботившійся о благосостояніи своей паствы, Игнатій, въ

бытность свою на тобольской каѳедрѣ, обратилъ вниманіе, въ частности, и на борьбу въ сибирскимъ расколомъ. Помимо личныхъ бесѣдъ съ тамошними раскольниками, въ 1696 году имъ были написаны направленныя противъ раскольниковъ три окружныя посланія. Посланія напечатаны въ „Православномъ Собесѣдникѣ“ еще въ 1855 году; сообщены въ литературѣ и другія свѣдѣнія о дѣятельности этого святителя [1]). Но о миссіонерской, для увѣщанія раскольниковъ, поѣздкѣ Игнатія въ Кинешму историки обычно повторяютъ только то, что въ свое время кратко было отмѣчено въ извѣстномъ „Словарѣ“ митрополита Евгенія,—что Игнатій ѣздилъ въ 1687 году, по повелѣнію патріарха, и оставилъ описаніе своей поѣздки. О ближайшихъ обстоятельствахъ, вызвавшихъ послѣднюю, о лицахъ, которыя подлежали увѣщанію Игнатія, о характерѣ собесѣдованій его и ихъ результатѣ, наконецъ о судьбѣ самаго описанія поѣздки, по отсутствію фактическихъ данныхъ, или умалчивалось, или дѣлались произвольныя предположенія [2]). При этомъ и самый фактъ миссіонерской поѣздки Игнатія выступалъ у историковъ естественно лишь въ той блѣдной характеристикѣ, которая нисколько не выдвигала его изъ ряда другихъ подобныхъ ему фактовъ. Случаевъ миссіонерскаго воздѣйствія на раскольниковъ въ XVII вѣкѣ было не мало, но извѣстія о нихъ дошли до насъ большею частію лишь крайне отрывочныя и потому въ историческомъ отношеніи малоцѣнныя. Между тѣмъ кинешемскія увѣщанія, по всѣмъ обстоятельствамъ ихъ вызвавшимъ и ихъ сопровождавшимъ, могутъ быть выдѣлены и занять особое мѣсто.

---

[1]) *П. Строевъ*. Списки іерарховъ. Спб. 1877, столб. 144. 317—18. 338.—Жур. мин нар. просвѣщ. 1854, мартъ: „Матеріалы для исторіи христіанскаго просвѣщенія въ Сибири“ — Странникъ, 1862, II, 157—167: „Игнатій Римскій-Корсаковъ, митрополитъ сибирскій и тобольскій.“ Ст. *Н. Абрамова*.

[2]) *Евгеній*—„Словарь историческій о писателяхъ духовнаго чина“, I, 195.—Прав. Собесѣдникъ, 1855, кн. I: „Три посланія блаженнаго Игнатія, митрополита сибирскаго и тобольскаго“, стр. 4.—*Макарій*—„Исторія раскола“ Спб. 1855, стр. 244, прим. 434.—Свящ. *І Горскій*.—„Патріархъ всероссійскій Іоакимъ въ борьбѣ съ расколомъ“: Странникъ, 1864, т. I, стр. 94.—Свящ *П. Смирновъ*—„Іоакимъ, патріархъ московскій“. М. 1881 стр. 101.—*М. Чистяковъ*—„Дѣятельность русскаго духовенства по отношенію къ расколу:“ Прав Обозрѣніе, 1887, т. II, стр. 695—696.

Все это мы увидимъ яснѣе, если обратимся къ болѣе подробному изложенію содержанія нашего памятника.

II.

27 августа 1687 года на имя архимандрита московскаго Новоспасскаго монастыря Игнатія и протопопа московскаго собора Черниговскихъ чудотворцевъ Іоанна Іоаннова послѣдовалъ указъ великихъ государей Іоанна и Петра Алексѣевичей и патріарха московскаго Іоакима: ѣхать архимандриту и протопопу въ Костромской и Кинешемскій уѣзды „увѣщать" тамошнихъ раскольниковъ „отъ книгъ божественнаго писанія, чтобы они отъ злобъ своихъ и прелести престали" и „обратилися бы въ покаяніе къ святой церкви". Этотъ указъ состоялся по поводу челобитной, поступившей незадолго предъ тѣмъ на имя государей и патріарха отъ кинешемскихъ раскольниковъ. Раскольники просили „прислать на Кинешму ученыхъ людей говорить о вѣрѣ". Челобитная была прислана въ Москву съ раскольникомъ Тимоѳеемъ Максимовымъ, крестьяниномъ деревни Блинихи Кинешемскаго уѣзда. Вмѣстѣ съ челобитной Тимоѳей подалъ еще „письма", т. е. тетради содержавшія пункты раскольническаго ученія и обвиненія противъ церкви. При допросѣ челобитчикъ открылъ и „товарищей" своихъ, участниковъ даннаго дѣла. Таковыми, какъ видно изъ дальнѣйшихъ сообщеній нашего памятника, были: братъ Тимоѳея Василій Максимовъ, Кинешемскаго же уѣзда деревни Колокольцовой крестьяне Андрей Ивановъ съ сыновьями своими Ѳеодоромъ и Иваномъ, Яковъ Андреевъ, его „товарищъ" Аѳанасій и деревни Некрасихи крестьянинъ Трофимъ Михайловъ. Всѣ эти лица, какъ сами потомъ сообщили о себѣ, были даже неграмотны; но они наслушались рѣчей побывавшаго въ ихъ мѣстности расколоучителя, нѣкоего Ивана Страннаго. „Челобитную" же и „письма" имъ написалъ ихъ мѣстный дьякъ Иванъ Прокопьевъ. Получивъ указъ, архимандритъ Игнатій и протопопъ Іоаннъ немедленно стали приготовляться въ путь и, ровно чрезъ недѣлю, 3 сентября, выѣхали изъ Москвы. Челобитчикъ, вышеназванный Тимоѳей Максимовъ, былъ отправленъ на родину ранѣе; его поручили надзору полковника Димитрія Жукова и обязали къ пріѣзду въ Кинешму Игнатія и протопопа Іоанна разыскать вышеназванныхъ своихъ „товарищей", чтобы, такимъ

образомъ, просимыя раскольниками собесѣдованія о вѣрѣ дѣйствительно состоялись.

Въ Кинешму архимандритъ Игнатій и протопопъ Іоаннъ прибыли 12-го сентября. Мѣстное городское духовенство во главѣ съ соборнымъ протопопомъ Іоанномъ Матвѣевымъ и при участіи нѣкоторыхъ гражданъ устроили почетнымъ и высокополномочнымъ гостямъ встрѣчу. Прибывшіе тотчасъ прослѣдовали въ соборъ и тамъ Игнатій объявилъ собравшемуся народу цѣль своего пріѣзда. Великіе государи и святѣйшій патріархъ,—говорилъ онъ,—„послали насъ, богомольцевъ своихъ, меня архимандрита Игнатія и протопопа Іоанна, къ вамъ на Кинешму,—васъ, во благочестіи православныя вѣры твердостно и непревратно стоящихъ, укрѣплять; а колеблющихся въ малодушествіи о православной вѣрѣ утѣшать, дабы не волновалися помышленіями своими и не слушали бы ученія злыхъ отступниковъ, поучающихъ отбѣгати отъ святыя церкви; а буде которые ихъ прелестнымъ отступническимъ ученіемъ отъ церкви святой отбѣгли, и они бы обратилися ко святой церкви“. Намѣтивъ такую программу своихъ дѣйствій, миссіонеры приступили къ ея осуществленію въ слѣдующій же день. Сначала нѣсколько дней было посвящено вразумленію православныхъ. Въ соборѣ и въ другихъ церквахъ совершались богослуженія, не одинъ разъ торжественныя, а потомъ вниманію слушателей предлагались „поученія“ и „бесѣды“.

13-го сентября послѣ обѣдни въ соборѣ Игнатіемъ было предложено „толкованіе о святой церкви и о божественной литургіи“ и прочитано „о четвероконечномъ крестѣ“.

14-го сентября, въ день праздника Воздвиженія честнаго креста, соборную литургію совершали: архимандритъ Игнатій, прибывшій съ нимъ протопопъ Іоаннъ Іоанновъ, кинешемскій протопопъ Іоаннъ Матвѣевъ, три священника и три діакона. Поученіе было сказано Игнатіемъ—„отъ псалма 33-го“, причемъ 17-й стихъ: „лице Господне на творящія злая“,—былъ „протолкованъ на раскольниковъ“. „Отъ святыя церкви отступивше“, раскольники стали, по выраженію проповѣдника, „яко пси нечистіи“: они не имѣютъ ни архіерея, ни священника, чтобы крестить дѣтей, приходить на исповѣдь, рождающимъ женамъ очищаться молитвами, и пр. и пр. Раскольники „хулятъ животворящій святый четвероконечный крестъ, коимъ все христіанство знаменуется“. Предложивъ при этомъ

изъ книги „Жезлъ правленія“ чтеніе „возобличенія“ 23-го о четвероконечномъ крестѣ, проповѣдникъ присоединилъ сюда же и „возобличеніе“ 30-е о молитвѣ Іисусовой.

Въ тотъ же день послѣ вечерни снова была бесѣда къ народу. На этотъ разъ ее велъ спутникъ Игнатія, вышеупомянутый черниговскій протопопъ Іоаннъ Іоанновъ. Сначала онъ предложилъ дневное чтеніе изъ Воскреснаго Евангелія; потомъ „много отъ писаній приведе о добродѣтельномъ житіи“ и сопоставилъ съ этими свидѣтельствами „многую капитонскую лесть“; въ заключеніе „привелъ о погибели галилеянъ, писанной въ Евангеліи Луки“, поясняя, что и раскольникамъ надлежитъ покаяться въ своихъ прегрѣшеніяхъ противъ церкви, чтобы не пострадать подобно галилеянамъ. Когда протопопъ Іоаннъ окончилъ свою рѣчь,—всталъ архимандритъ Игнатій и, по собственному его выраженію, „возгласилъ“: „слышали, возлюбленные христіане, словеса божественныхъ писаній, яже изрече священный протопопъ, яко вельми пользующая ко спасенію,—потщитеся убо не точію слышати, но и творити я“, по писанію: „не слышателіе бо закона, но творцы оправдятся предъ Богомъ“. Потомъ архимандритъ повелъ рѣчь о „началѣ“ крещенія Руси,—какъ святой князь Владиміръ былъ крещенъ въ Корсунѣ и какъ принесъ изъ Корсуня святой крестъ, который хранится „и донынѣ въ соборной церкви на Москвѣ“. Проповѣдникъ имѣлъ въ виду показать въ противовѣсъ ученію раскольниковъ, конечно, то, что корсунскій крестъ имѣетъ четвероконечную форму. „И посемъ и паки на раскольниковъ вкратцѣ о четвероконечномъ крестѣ и о молитвѣ Іисусовѣ и о сложеніи перстовъ и о сожигательствѣ“ раскольниковъ.

Чрезъ два дня, 17 сентября, въ день памяти святой великомученицы Софіи, по случаю именинъ царевны Софьи Алексѣевны, въ кинешемскомъ соборѣ опять было совершено торжественное богослуженіе, въ томъ же составѣ служащихъ, что и 14 сентября, съ положеннымъ многолѣтіемъ царствующему дому. Послѣ литургіи было „поученіе—отъ Бесѣдъ на Посланія Апостольская святаго Іоанна Златоустаго, и къ тому“,—добавляетъ Игнатій,—„паки приложихъ о вхожденіи во святую церковь, яко подобаетъ непрестанно приходити и не удалятися отъ нея“. Нѣкоторые, по внушеніямъ раскольническихъ учителей, потому отбѣгали отъ церкви,

что не признавали благодатнымъ освященіе храмовъ, на томъ ложномъ основаніи, что хожденіе съ иконами вокругъ храмовъ, при освященіи ихъ, совершается не по солнцу, а противъ солнца. Поэтому Игнатій подробно говорилъ и о церковныхъ кругохожденіяхъ.

Затѣмъ въ теченіе слѣдующихъ одиннадцати дней, надо думать, впрочемъ, съ промежутками, „увѣщательныя поученія къ благочестивымъ христіанамъ и о обращеніи раскольниковъ“ архимандритъ Игнатій и протопопъ Іоаннъ произносили въ разныхъ церквахъ города и каждый отдѣльно.

Наконецъ 29 сентября полковникъ Димитрій Жуковъ, подъ надзоромъ котораго приходившій въ Москву съ челобитной раскольникъ Тимоѳей Максимовъ долженъ былъ отыскать сообщниковъ своего дѣла, представилъ послѣднихъ московскимъ миссіонерамъ. Поэтому теперь начались „увѣщанія и бесѣды“, обращенныя собственно къ раскольникамъ. Первое разглагольствіе происходило на святительскомъ дворѣ, наединѣ, присутствовалъ лишь названный полковникъ Жуковъ. Раскольниковъ было семь человѣкъ. Какъ только вошли они, архимандритъ и протопопъ, вставъ, произнесли молитву: „Слава Отцу“, „Господи помилуй“, трижды, и „Владыко многомилостиве“. Потомъ миссіонеры сѣли, а раскольники стояли. Игнатій спросилъ раскольниковъ: „Кто вы и какой вѣры?“— Раскольники отвѣтили: „Мы христіане, вѣруемъ въ Господа Іисуса Христа, сына Божія, сотворившаго небо и землю“.— „Вы ли съ товарищи своими присылали къ великимъ государямъ и святѣйшему патріарху къ Москвѣ съ письмами товарища своего Тимошку Максимова и приказали бить челомъ, чтобы къ вамъ прислать на Кинешму ученыхъ людей говорить о вѣрѣ?“—Когда раскольники отвѣтили на это утвердительно, то архимандритъ, замѣтивъ, что „православная вѣра сія есть, еже вѣровати во имя Отца и Сына и Святаго Духа и исповѣдывати Символъ вѣры“,—прочиталъ послѣдній весь до конца, сказалъ кѣмъ Символъ составленъ и утвержденъ, и въ заключеніе спросилъ раскольниковъ: „Вы убо такъ ли вѣруете?“—„Мы грамотѣ не знаемъ,—отвѣтили тѣ,—только говоримъ, что новыя вѣры не пріемлемъ и креста Христова трисоставнаго не отлучаемся; а какъ вѣруемъ, и то у насъ написано въ письмахъ, что къ великимъ государямъ послали“.— Архимандритъ спросилъ: „Въ вашемъ письмѣ четвероконечный крестъ на просфорахъ названъ „образомъ меркимъ“,—

„въ которомъ писаніи такую хулу на крестъ святый обрѣтосте?"—Раскольники сказали: „То учитель написалъ, а мы того не знаемъ".—Когда архимандритъ замѣтилъ, что раскольники хулятъ тотъ самый четвероконечный крестъ, образомъ котораго знаменаются всѣ христіане, и прибавилъ, намекая на первую статью „Уложенія" царя Алексѣя Михайловича, что „прежде сего" такихъ хульниковъ „ради хуленія единаго" казнили „градскимъ закономъ", то раскольникъ Василій Максимовъ сказалъ: „У васъ — то и здумано, что насъ мучити,—ино мучьте, а мы старой вѣры не покинемъ".—Игнатій подтвердилъ, что если раскольники „учинятся противны воли церкви", то дѣйствительно „постраждутъ", какъ указано то въ градскомъ законѣ, хотя онъ, архимандритъ, пріѣхалъ въ Кинешму съ протопопомъ вовсе „не для мученія" раскольниковъ.—Раскольники на это сказали: „Мы церкви святой истинной не противимся, той, въ которой на просфорахъ крестъ осмиконечный, а не крыжъ латинскій".—Когда архимандритъ обстоятельно разъяснилъ, что это возраженіе основано на непониманіи слова „крыжъ" и ничего кромѣ хулы въ себѣ не заключаетъ,—раскольники выдвинули другое: „Вы,—сказали они,—въ антихриста велите щепотію креститися". — Игнатій отвѣтилъ, что православные слагаютъ три перста во имя Св. Троицы, а не во имя антихриста".—Раскольники продолжали: „Вы тремя персты креститеся въ Святую Троицу и тѣмъ Троицу распинаете".—Игнатій на примѣрѣ пояснилъ, что нельзя произвольно навязывать троеперстію такой смыслъ, какого, по вѣрѣ употребляющихъ его, оно не имѣетъ. „Крещается человѣкъ въ Троичное имя, еже есть во Отца и Сына и Святаго Духа, и спогребается Христу крещеніемъ въ смерть, и тамо не глаголется, яко Троица погребена была, тако и въ знаменіи крестномъ страсть Святой Троицѣ прилагати не прилично".—Раскольники говорили еще: „Вы съ креста Христова осмиконечнаго главу стерли", разумѣя образъ положенія титла на верхнемъ концѣ креста.—Игнатій основательно отвѣтилъ, что будетъ ли положено титло выше, на концѣ продольнаго древа креста, какъ видимъ въ нѣкоторыхъ древнихъ изображеніяхъ, или же дщица для титла будетъ „къ древу ниже верха прибита", разности въ вѣрѣ чрезъ то не произойдетъ.—И еще возражали раскольники: „Вы нынѣ церкви свящаете не со солнцу, ходите кругъ ея налѣво, а не направо, и всю ее заплевасте",—потому что

„человѣку велѣно плевать на лѣвую сторону“.—Въ отвѣтъ на это миссіонеры сказали, что „церковь святая служитъ Умному Солнцу, Христу Богу, а не чувственному“, и, значитъ, дневной путь послѣдняго въ разсуждаемомъ случаѣ непричемъ, что, затѣмъ, „егда бо изыдутъ изъ церкве“, при освященіи ея, „и станутъ лицемъ прямо къ востоку“, то „правая рука будетъ—южная страна“, и, значитъ, православные совершаютъ кругохожденіе направо, а не налѣво, и что, наконецъ, „еже плевати человѣку на которую страну—того въ писаніи не обрѣтается, а плевати бы кому на церковь—послѣдняго сіе есть безумства, паче же рещи и отступства“, и если къ кому такое неподобное дѣяніе возможно отнести, хотя бы и въ переносномъ смыслѣ, то развѣ къ самимъ раскольникамъ, въ порывѣ хулы на церковь называющимъ святой крестъ „образомъ мерзкимъ“.

Въ заключеніе миссіонеры пытались указать на то, что въ церкви греко-россійской, противъ которой возстаютъ русскіе раскольники, управляютъ патріархи: цареградскій, іерусалимскій и московскій, что къ ней же принадлежатъ и великіе государи цари Іоаннъ и Петръ Алексѣевичи, всей Россіи самодержцы. Но раскольники отвѣтили на это въ томъ смыслѣ, что еретикамъ негдѣ и быть кромѣ церкви еретической: „Вы всѣ еретики“,—сказалъ раскольникъ Василій Максимовъ, какъ видно, на этотъ разъ, болѣе другихъ смѣлый и рѣчистый. Послѣ такихъ дерзкихъ словъ архимандритъ счелъ нужнымъ прекратить увѣщаніе и велѣлъ выслать раскольниковъ вонъ. Изъ всей первой бесѣды миссіонеры вынесли убѣжденіе, что „послушанія“ отъ раскольниковъ „ждать нечего“ и потому предложили полковнику Жукову „отвесть ихъ за-караулъ“.

На слѣдующій день, 30 сентября, состоялось увѣщаніе при иной обстановкѣ, публично, но и опять безъ благопріятнаго результата. Раскольники были приведены въ церковь Казанской иконы Божіей Матери, къ литургіи. Любопытно, что „раскольникъ Андрюшка, вшедъ въ трапезу, святымъ иконамъ кланялся и крестное знаменіе на себѣ полагалъ, только двѣмя персты“; между тѣмъ дѣти его, какъ и прочіе раскольники, „не перекрестилися никако и стояли въ трапезѣ что болваны“. Любопытна одна частность и въ дальнѣйшемъ поведеніи раскольниковъ. Когда, послѣ литургіи, служившій священникъ Іоаннъ Харитоновъ, по приказанію

Игнатія, вышелъ „съ крестомъ святымъ, чтобы тѣхъ раскольниковъ ко кресту привести“ и „началъ ихъ крестомъ благословлять“, то раскольники „отвращалися“, говоря: „буде осѣнишь насъ крестомъ, мы ко кресту пойдемъ“. Игнатій сначала на это замѣтилъ, что „крестомъ святымъ священникъ обще всѣхъ осѣняетъ, и того ради всякому человѣку точію цѣловати подобаетъ святый крестъ“. Но раскольники снова „просили, чтобъ ихъ осѣняли крестомъ“. Тогда,—говоритъ Игнатій,—„мы ихъ обращенія ко святой церкви хотя, осѣня ихъ, благословили по ихъ прошенію, прилагая святый крестъ къ челу и къ скараніямъ ихъ“, т. е. къ одеждѣ. Казалось бы, это свидѣтельствовало о склонности раскольниковъ къ „обращенію“ и „раскаянію“. Казалось бы, этому благопріятствовала и вся обстановка увѣщанія. Игнатій велъ подробную рѣчь о перстосложеніи, о молитвѣ Іисусовой, о пятипросфоріи; разсказалъ, какъ святой Макарій Египетскій воскрешеніемъ мертвеца обратилъ къ церкви „отступника“ отъ нея; послѣ литургіи, свидѣтелями совершенія которой раскольники были сами лично, обратилъ ихъ вниманіе на то, что „во святой церкви святая служба совершается по прежнему преданію“, и „молилъ“ раскольниковъ „со всякою кротостію, чтобы они все злое свое смышленіе противства оставили“. Но результатъ получился совсѣмъ противоположный. Отнимая у увѣщателей рѣшительно всякую надежду на успѣхъ, увѣщаемые сказали въ заключеніе: „Отъ насъ больше того ничего не услышите, что мы вашего ничего не пріемлемъ“. Правда, раскольникъ Иванъ Андреевъ „обратился было“,—въ тотъ же день заявилъ о своемъ раскаяніи. Но это было сдѣлано лицемѣрно. Когда, на слѣдующій день, архимандритъ и протопопъ ожидали отъ „обратившагося“ письменной „повинной“,—принесли извѣстіе, что Андреевъ „изъ-за караула ушелъ невѣдомо куды“.

3-го октября миссіонеры снова дали знать полковнику Жукову, чтобы прислалъ на святительскій дворъ раскольниковъ Андрея Иванова и Тимоѳея Максимова „для разговору“. Однако „многое увѣщаніе“ и на этотъ разъ не привело ни къ чему. На всяческіе доводы увѣщаемые „чинились во всемъ не послушны“; фанатично заявляли, что они готовы пострадать по примѣру „отца Аввакума протопопа“; о православныхъ, въ томъ числѣ и высочайшихъ особахъ, отзывались крайне рѣзко, особенно Тимоѳей Максимовъ; твердили, что отъ

нихъ „ни письма, ни рѣчей не будетъ“, кромѣ того, что написано въ отосланныхъ на Москву челобитной и тетрадяхъ; и „повиновенія“ не будетъ, и что, поэтому, нечего понапрасну тратить время и слова для увѣщанія ихъ. Видя все это, миссіонеры объявили увѣщаемымъ, что, въ такомъ случаѣ, ихъ миссія окончена. „Великіе государи и святѣйшій патріархъ, по вашему челобитію, присылали насъ къ вамъ, чтобы вамъ разумъ отъ божественныхъ писаній подати и ваше сумнѣніе разрѣшити“,—„и вы въ томъ послушанія сотворити не восхотѣсте: сего ради буди кровь ваша на главахъ вашихъ, святая церковь нынѣ уже отъ того свободна, не обинуяся бо сказахомъ вамъ всю волю Божію и святыя церкви“. Сказавъ это, Игнатій велѣлъ отвести раскольниковъ къ полковнику Жукову на съѣзжій дворъ. Въ этотъ разъ миссіонеры дали разъясненія на возраженія раскольниковъ объ антиминсѣ и о пятипросфоріи.

Но на слѣдующій день миссіонеры были свидѣтелями перемѣны. Еще наканунѣ, т. е. 3-го октября, когда происходило описанное сейчасъ увѣщаніе, Игнатію и протопопу было доложено, что раскольники Андрей Ивановъ, Яковъ Андреевъ и Трофимъ Михайловъ, сидя за-карауломъ на съѣзжемъ дворѣ, повидимому выражаютъ намѣреніе отказаться отъ раскола,—„говорили межъ себя, что они напрасно ученія слушали раскольщика Ивашки Страннова, и чтобы имъ паки обратитися ко святой церкви“. 4-го октября, приведенныя въ соборъ къ литургіи, эти лица дѣйствительно подали повинную челобитную, на имя патріарха Іоакима, за подписью соборнаго священника Григорія Ѳеодорова. Отрекаясь отъ раскола и его ученія, они, между прочимъ, писали: „Нынѣ мы, слыша Спаса-Новаго монастыря архимандрита Игнатія отъ книгъ божественнаго писанія правое ученіе, въ той своей противности великимъ государемъ и тебѣ святѣйшему патріарху принесли повиновеніе, и святой церкви повинуемся, какъ божественное писаніе повелѣваетъ, и въ церковь Божію ходить будемъ, безъ всякаго лицемѣрія и нелестно“. Принявъ челобитную и „утвердя“ „раскаявшихся“ отъ „словесъ божественнаго писанія“, Игнатій и протопопъ Іоаннъ дали кинешемскому протопопу Іоанну Матвѣеву наказъ „смотрѣть, каково ихъ впредь послушаніе ко святой церкви будетъ“.

„Оставшіеся въ противленіи“ раскольники, вышеназванные

Тимоѳей, Василій, Аѳанасій и Ѳеодоръ „отданы“ были полковнику Жукову на съѣзжій дворъ.

5-го октября миссіонеры выѣхали изъ Кинешмы въ обратный путь.

III.

Таково въ краткомъ изложеніи содержаніе разсматриваемой нами „Книги“, принадлежащей перу архимандрита Игнатія. Нѣкоторые черты или частности описываемаго въ ней факта настолько примѣчательны, что вызываютъ на историческія справки и общее освѣщеніе предмета.

Прежде всего обращаютъ на себя вниманіе обстоятельства, вызвавшія миссіонерское посольство изъ Москвы въ Кинешму,—извѣстіе о *челобитной* кинешемскихъ раскольниковъ. Челобитныя—обычное явленіе въ первое время существованія раскола. А объясняется оно тѣмъ, что руководители раскола тогда еще не теряли надежды на возстановленіе старыхъ церковныхъ порядковъ. Діаконъ Ѳеодоръ, одинъ изъ видныхъ первыхъ расколоучителей, разсказываетъ о двухъ своихъ видѣніяхъ, служившихъ отвѣтомъ на его моленіе: „будетъ ли конецъ никоніанской прелести“? и хотя въ заключеніе оставляетъ вопросъ не рѣшеннымъ, однако ему, очевидно, не хотѣлось дать отвѣта отрицательнаго. Въ сочиненіяхъ протопопа Аввакума уже весьма нерѣдко встрѣчается та мысль, что нужно ждать „поправленія о Христѣ Іисусѣ“.— „Я надѣюсь, говорилъ онъ, что Господь прекратитъ дни сіи“. Подобныя же надежды не чужды были также попу Лазарю и иноку Авраамію, также весьма виднымъ первоапостоламъ раскола [1]). Отсюда—челобитныя, съ которыми названные расколоучители обращались не только къ царю, но и къ патріарху. Обыкновенно челобитчики просили царя разсудить между ними и ихъ противниками, причемъ требовали, чтобы судъ не былъ „заочнымъ“. Царь долженъ дать имъ, челобитчикамъ, „очную ставку со властьми“ духовными и съ „книжниками“. Она должна происходить при участіи цѣлаго общества раскольниковъ, для чего заключенныхъ слѣдуетъ освободить, а разбѣжавшихся собрать, и въ присутствіи кого-либо изъ царскаго синклита, а лучше — самого царя, чтобы

[1]) Мат. для ист раск. VI, 94 — 95; V, 241. 250; VIII, 38. 41. 56; IV, 267—268; VII, 404; „Хр. Чтеніе“, 1888, I, 747—748.

онъ самъ слышалъ всякое слово. Очевидно раскольники надѣялись, что при такихъ условіяхъ торжество будетъ на ихъ сторонѣ: защитники никоніанства останутся безотвѣтными и неизбѣжно должны будутъ возвратиться къ старымъ церковнымъ порядкамъ. Такъ было въ самое первое время, при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ [1]).

Но ни печальный, съ точки зрѣнія раскола, исходъ этого царствованія, закончившагося казнью соловецкихъ мятежниковъ, ни казнь пустозерскихъ заточниковъ, имѣвшая мѣсто въ концѣ царствованія Ѳеодора Алексѣевича, надеждъ раскольническихъ не разрушили. Челобитныя повторялись и при Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ, а въ самомъ началѣ слѣдующаго царствованія подача челобитныхъ сопровождалась, какъ извѣстно, смутою 5 іюля 1682 года. Только послѣ неудачи этой послѣдней, послѣ новыхъ казней и заточеній и особенно послѣ опубликованія жестокаго закона 1685 года, которымъ подъ страхомъ смертной казни было воспрещено самое содержаніе раскола, энергія борцовъ „за старую вѣру“, въ смыслѣ попытокъ добиться ея торжества, ослабѣваетъ. Пятнадцать лѣтъ упорнаго труда, достойнаго лучшаго примѣненія, смѣняются повидимому полнымъ и какъ будто повсюднымъ разочарованіемъ, и расколъ, отказываясь отъ мысли о преобладаніи, спѣшитъ въ пустыни, чтобы тамъ спасти свои „малые остатки“. Но вотъ съ челобитною раскольниковъ мы встрѣчаемся даже въ 1687 году. Нашъ памятникъ свидѣтельствуетъ, что она принадлежала кинешемскимъ раскольникамъ. Новый, доселѣ остававшійся неизвѣстнымъ, фактъ. Ни самая челобитная, ни тетради, служившія основаніемъ для нея, пока не найдены, а можетъ быть исчезли и навсегда. Но тѣмъ болѣе цѣнно извѣстіе, содержащееся въ разсматриваемой „Книгѣ“. Оно сообщаетъ о событіи крупномъ и въ высшей степени любопытномъ. Въ свое время эта челобитная обратила на себя вниманіе великихъ государей и святѣйшаго патріарха, которые, значитъ, придавали ей важное значеніе. Въ отвѣтъ на челобитную слѣдуетъ царскій и патріаршій указъ на имя двухъ видныхъ представителей интересовъ и защиты церкви, повелѣвавшій незамедлительно совершить далекое путешествіе, чтобы просьба раскольниковъ ни подъ какимъ видомъ не осталась безъ удо-

[1]) *П. Смирновъ.* Исторія раскола. Изд. 2. Спб. 1895. § 15.

влетворенія. Ясное дѣло, что игнорировать данную челобитную, оставить ее безъ отвѣта признавалось тогдашнею высшею церковною властію безусловно вреднымъ для церкви. Вѣроятно въ челобитной замыслы и намѣренія челобитчиковъ проглядывали яснѣе, чѣмъ мы можемъ судить о нихъ по сообщеніямъ, передаваемымъ Игнатіемъ, и патріархъ Іоакимъ легко усмотрѣлъ ихъ, или по крайней мѣрѣ сдѣлалъ о нихъ извѣстныя предположенія, сколько научилъ его опытъ. Предположенія же здѣсь дѣйствительно могутъ быть любопытныя. Кинешемскія раскольники изъявили желаніе вступить въ письменныя и словесныя объясненія со „властями“ и „учеными“. Не взирая на угрозу закона смертною казнью за одну только принадлежность къ расколу, кинешемцы не только открыто объявляютъ себя раскольниками и письменно излагаютъ свое ученіе, но рѣзко, съ похуленіемъ отзываются объ ученіи православномъ и выражаютъ свое желаніе вступить по этому поводу въ открытыя состязанія. Ужели они приглашали „ученыхъ“ только для того, чтобы разсѣять закравшееся въ ихъ головы сомнѣніе о правильности ученія православной церкви и послѣ того навсегда оставить расколъ? Или, быть можетъ, они просто желали отдать себя въ руки правосудія и лишь искали случая пострадить за „старую вѣру?“ Нѣтъ,—дальнѣйшее поведеніе инціаторовъ челобитной, когда они, въ концѣ концовъ, раздѣлились на двѣ части, не оправдываетъ ни то, ни другое изъ этихъ двухъ предположеній. Тутъ цѣль была, надо думать, другая. Какая же?

На челобитную кинешемскихъ раскольниковъ едва ли нельзя смотрѣть какъ на нѣкоторый отголосокъ тѣхъ надеждъ, которыя, какъ мы указали выше, такъ сильно воодушевляли предводителей раскола въ теченіе первыхъ пятнадцати лѣтъ его существованія. Какъ видно изъ разсужденій участниковъ въ дѣлѣ кинешемской челобитной, изложенныхъ въ нашемъ памятникѣ, среди кинешемскихъ раскольниковъ еще слишкомъ жива была память о протопопѣ Аввакумѣ, казненномъ хотя и далеко, въ Пустозерскѣ, но и оттуда хорошо извѣстномъ всему раскольническому міру. Возможно, поэтому, предположить, что и пророчество Аввакума о „прекращеніи дней сихъ“, т. е. господства никоніанства, извѣстное, конечно, и кинешемцамъ, еще не потеряло своего обаянія для нѣкоторыхъ изъ нихъ. „Правда, Аввакумъ уже казненъ, но онъ до конца жизни не разставался съ своей

надеждой. Пять лѣтъ тому назадъ, увлекаемые тою же надеждою, дѣйствовали въ Москвѣ инокъ Сергій и попъ Никита, также по благословенію Аввакума, почти уже предсмертному. Они тоже казнены или заточены, но пользу дѣла не слѣдуетъ измѣрять числомъ жертвъ. Весьма возможно, что одинаковая участь постигнетъ и ихъ, кинешемцевъ, но надежда не должна умирать и къ достиженію цѣли нужно стремиться всякому и всюду". Таково могло быть теченіе мыслей въ головѣ кинешемскихъ челобитчиковъ, послѣ того какъ они „всему" были научены и во „всемъ" наставлены бродячимъ расколоучителемъ Иваномъ Страннымъ. Подвизавшіеся пять лѣтъ тому назадъ упомянутые Сергій и Никита находились въ Москвѣ, подъ сильною охраною стрѣльцовъ; поэтому они могли надѣяться, какъ и дѣйствительно надѣялись, на полное возстановленіе „старой вѣры", ударомъ одного дня и для всѣхъ мѣстъ. Разсчеты кинешемскихъ раскольниковъ были, конечно, гораздо скромнѣе, потому что никакой внѣшней силы за своею спиною послѣдніе не имѣли. Но и этотъ захолустный успѣхъ,—торжество раскола не въ стѣнахъ московскаго Кремля, а въ далекой Кинешмѣ,—не могъ, все-таки, не рисоваться раскольникамъ въ высшей степени выгоднымъ для дѣла *всего* раскола.

Но такъ это было или иначе, во всякомъ случаѣ для *мѣстнаго* раскола кинешемскіе челобитчики искали *многаго*. Ихъ челобитная, какъ по всему надо полагать, если не прямо требовала, то безусловно подразумѣвала полную для раскола свободу. Приглашеніе „ученыхъ людей" составляло лишь условіе болѣе пышной обстановки, чтобы, когда „ученые" защитники никоніанства будутъ посрамлены публично, въ чемъ самообольщеніе раскольниковъ не колебалось,—народъ самъ собою, безъ усилій пропаганды, пошелъ бы въ „старую вѣру". Поэтому-то послѣднимъ словомъ и устныхъ заявленій со стороны кинешемцевъ, въ отвѣтъ на запросы прибывшихъ къ нимъ московскихъ миссіонеровъ Игнатія и протопопа Іоанна, было требованіе полной „воли противъ" того „письма", которое было отправлено кинешемцами ранѣе къ царямъ и патріарху.

IV.

Что дѣйствительно патріархъ Іоакимъ придавалъ миссіонерскому посольству въ Кинешму особенно важное зна-

чение, о томъ свидѣтельствуетъ и та обдуманность, какую видимъ въ постановкѣ даннаго дѣла. Посланъ былъ новоспасскій архимандритъ Игнатій и черниговскій протопопъ Іоаннъ. Игнатій сначала жилъ въ Москвѣ, мѣстѣ зарожденія раскола, и въ періодъ этого зарожденія, а потомъ въ Соловецкомъ монастырѣ, куда переселился вскорѣ послѣ соловецкаго раскольническаго „стоянія за вѣру“. Отсюда Игнатій не мало зналъ о расколѣ, частію изъ личныхъ наблюденій, частію по разсказамъ, частію, наконецъ, по книгамъ, касавшимся раскола. Въ то же время это былъ человѣкъ книжный, имѣлъ познанія и, безспорно, владѣлъ находчивостію въ устныхъ преніяхъ. Помощникъ Игнатія, протопопъ московскаго черниговскихъ чудотворцевъ собора Іоаннъ Іоанновъ также былъ способенъ „поучать отъ писанія“. Этотъ зналъ расколъ потому, что нѣкогда самъ былъ уловленъ въ его сѣти. Ссылкою на это обстоятельство миссіонеръ воспользовался въ первомъ же своемъ „поученіи“ къ православнымъ, когда приводилъ „отъ писанія“ свидѣтельства „о добродѣтельномъ житіи“ и сопоставлялъ съ ними жизнь и дѣянія раскольниковъ. „И въ томъ поученіи, разсказываетъ Игнатій объ Іоаннѣ, много отъ писаній приведе о добродѣтельномъ житіи, и дабы отступникомъ капитономъ не послѣдовали, возвѣщая имъ нѣкогда и свое противленіе и милосердіемъ Божіимъ отъ того свободися, а како и отъ чадъ своихъ духовныхъ увѣдавъ многую ихъ капитонскую лесть, и сего ради моляше въ поученіи, дабы никакоже отъ церкви отбѣгали“. Такимъ образомъ патріархъ Іоакимъ озаботился выборомъ для кинешемской миссіи лицъ, возможно болѣе подходящихъ. Въ то же время миссіонерамъ данъ былъ весьма осмотрительный наказъ, чтобы, во-первыхъ, „разговаривать и увѣщать“ раскольниковъ не иначе, какъ „отъ книгъ божественнаго писанія, и во-вторыхъ, тѣхъ изъ раскольниковъ, которые, внявъ увѣщаніямъ, принесутъ повиновеніе церкви,—„утвердя божественными законы и святыя православныя церкви священными преданіями, любезно, со всякимъ потщаніемъ и кротостно, отдать священникамъ“ приходскихъ церквей подъ духовный надзоръ. Объ этомъ Игнатій говоритъ прямо, еще въ самомъ началѣ своего повѣствованія. Но изъ дѣятельности миссіонеровъ на мѣстѣ ихъ миссіонерскаго посольства, описываемой въ нашемъ памятникѣ далѣе, слѣдуетъ заключить, что инструкція предписыва-

БИБЛИОТЕКА
Общественной
Академии Наук

ла имъ имѣть въ виду предварительно и прежде всего еще православную паству, чтобы первымъ долгомъ и православныхъ наставить въ правилахъ православной вѣры и житія и предостеречь отъ увлеченія „прелестію“ раскола. Выполняя такую высокую и отвѣтственную задачу, миссіонеры, какъ мы видѣли, совершали богослуженія въ разныхъ церквахъ и не разъ торжественныя, соборнѣ, а также „говорили поученія“: читали изъ книгъ и изъясняли изустно. Въ отношеніи православнаго общества эти богослуженія являлись безспорно могучимъ средствомъ для подъема его духа. Торжественность и необычайность богослуженій невольно наводили на сравненіе и рельефно отмѣчали ту разницу между православіемъ и расколомъ, о которой миссіонеры здѣсь нарочито и упоминали, когда указывали, что расколъ не имѣетъ ни законнаго священства, ни храмовъ, и потому лишенъ благодатныхъ средствъ освященія. Въ отношеніи раскола эти богослуженія являлись нагляднымъ опроверженіемъ той раскольнической клеветы, что въ православныхъ храмахъ, будто бы, ничего не осталось отъ порядковъ древней благочестивой церкви, что въ нихъ одно искажено и превращено, другое совсѣмъ уничтожено. Съ этою, между прочимъ, цѣлью къ богослуженію были приводимы и раскольники. Въ Казанской церкви архимандритъ Игнатій послѣ литургіи прямо и съ особеннымъ намѣреніемъ указывалъ раскольникамъ: „видите, братіе, что во святой церкви по прежнему преданію святая служба совершается“. Вслѣдъ за тѣмъ, примѣнительно къ обстоятельствамъ, произносились достойныя предмета „поученія“, или въ видѣ чтенія, или съ изустнымъ толкованіемъ. Миссіонеры говорили о церкви, о литургіи; затѣмъ о важнѣйшихъ обрядовыхъ предметахъ разногласія между православіемъ и расколомъ; особая рѣчь была еще о самосожигательствѣ раскольниковъ. Постановка бесѣдъ собственно съ раскольниками, какъ онѣ описываются у Игнатія, также носила признаки одобренія. Начать съ того, что первая бесѣда, происходившая на святительскомъ дворѣ, была открыта молитвословіемъ. Потомъ послѣдовало чтеніе Символа вѣры, и этимъ было показано раскольникамъ, въ чемъ заключается древняя православная вѣра, о которой они пришли состязаться, и что должно служить основаніемъ для всѣхъ разсужденій о вѣрѣ. Раскольники, такимъ образомъ, самымъ дѣломъ предупреждались, что перстосложеніе, форма креста, слова молитвы

Іисусовой, вообще всѣ подобные обрядовые вопросы не могутъ служить причиною отдѣленія отъ церкви, хотя изъ повѣствованія Игнатія и не видно, чтобы онъ особо выдѣлялъ эту мысль и внушалъ бы ее раскольникамъ. Во всякомъ случаѣ, миссіонеры давали удачныя отвѣты на всѣ возраженія раскольниковъ по этимъ вопросамъ, и, что при этомъ особенно важно, въ разсказѣ Игнатія нигдѣ не проскальзываетъ какихъ-либо „жестокословныхъ“ или „порицательныхъ“ отзывовъ о обрядахъ, содержимыхъ раскольниками. Миссіонеры, по этому повѣствованію, увѣщали раскольниковъ отречься отъ хулы на обряды, содержимые церковію,—на троеперстіе, четвероконечный крестъ, пятипросфоріе,—и только. Приводимыя раскольниками основанія для таковой хулы миссіонеры терпѣливо опровергали, но сами при этомъ не возносили порицаній ни на двуперстіе, ни на седмипросфоріе, ни на крестъ осмиконечный. Нужно еще замѣтить, что миссіонеры, давая раскольникамъ тѣ или другія разъясненія, „молили“ ихъ объ обращеніи къ церкви „со всякою кротостію“, какъ не безъ намѣренія отмѣчаетъ это Игнатій, и, лишь возмущаемые хулою на церковь и ея сыновъ, выражались мѣстами довольно сильно и рѣзко. Вообще по всѣмъ изложеннымъ обстоятельствамъ кинешемскія бесѣды, судя по описанію ихъ у Игнатія, представляютъ примѣчательный эпизодъ изъ исторіи противораскольнической миссіи XVII вѣка.

Но если все это такъ, если таковы были пріемы и достоинства бесѣдъ, имѣвшихъ цѣлью „обратить“ раскольниковъ въ нѣдра церкви, то чѣмъ же объяснить далеко не полный, да и въ частичномъ объемѣ, повидимому, сомнительный успѣхъ миссіи Игнатія и Іоанна? Объясненіе нужно искать или въ характерѣ самаго повѣствованія, дошедшаго до насъ отъ Игнатія, который былъ заинтересованъ въ исходѣ даннаго дѣла и въ отзывахъ о немъ современниковъ, или же въ условіяхъ и обстоятельствахъ побочныхъ. Такъ какъ свидѣтельствъ противъ правдивости и безпристрастія Игнатіева разсказа мы не имѣемъ; такъ какъ, напротивъ, внутренніе признаки послѣдняго скорѣе говорятъ за фактическую объективность его; то, значитъ, остается искать объясненіе втораго вида.

Въ отношеніи наличнаго числа кинешемскихъ раскольниковъ, по челобитной которыхъ и ради которыхъ ближайшимъ

образомъ и состоялась кинешемская миссіонерская поѣздка, успѣхъ Игнатія и Іоанна, дѣйствительно, былъ частичный и сомнительный. Именно, четыре раскольника безусловно „остались въ противленіи“, такъ что, вслѣдъ за тѣмъ, были преданы гражданскому суду, какъ требовалъ тогдашній законъ о раскольникахъ; одинъ „обратился было“, но лицемѣрно, въ намѣреніи учинить изъ-за караула бѣгство, каковое, дѣйствительно, и учинилъ; три раскольника письменно подали „повинную“, но надумали сдѣлать это не на святительскомъ дворѣ, послѣ бесѣды съ миссіонерами, а на съѣзжемъ дворѣ, сидя за карауломъ, въ ожиданіи гражданскаго суда. Результатъ неутѣшительный, но и не неожиданный. Все время разглагольствій съ миссіонерами раскольники держали себя съ такимъ упорствомъ, что Игнатій и Іоаннъ на „обращеніе“ ихъ и не надѣялись. На бесѣдѣ 29 сентября, послѣ длинныхъ разсужденій и отвѣтовъ на ихъ возраженія со стороны миссіонеровъ, увѣщаемые высказались такъ: „что у насъ написано на письмѣ, въ томъ и стоимъ, а еретическаго преданія не примемъ, и говорить больше того нечего“,—и еще: „вы всѣ еретики“. Не даромъ миссіонеры велѣли полковнику Жукову отвести увѣщаемыхъ прямо съ бесѣды подъ караулъ, замѣтивъ: „послушанія отъ нихъ по симъ словесемъ ждать нечего“. Затѣмъ, на обѣднѣ 30-го сентября, одинъ изъ раскольниковъ кланялся иконамъ, полагая на себя и крестное знаменіе, конечно, двумя перстами; а по окончаніи обѣдни всѣ согласились принять отъ священника „осѣненіе“ крестомъ, хотя отказались цѣловать крестъ. Но поклоненіе иконамъ въ православныхъ храмахъ дозволялось раскольникамъ, при извѣстныхъ условіяхъ, и правилами Аввакума; согласіе же на „осѣненіе“ крестомъ—пріемъ, правда, мало понятный, но вѣроятно это было особаго рода уловкою, въ духѣ извѣстныхъ казуистическихъ правилъ того же Аввакума. По крайней мѣрѣ, какъ только Игнатій „осѣнилъ раскольниковъ по ихъ прошенію, прилагая крестъ святый къ челу и къ скараніямъ ихъ“,—вслѣдъ за тѣмъ раскольники вновь объявили ему: „отъ насъ больше того ничего не услышите, что мы вашего ничего не пріемлемъ“. Далѣе, призванные на святительскій дворъ 3-го октября, раскольники „по прежнему“, на всѣ увѣщанія со стороны миссіонеровъ „чинилися во всемъ не послушны“ и „всѣхъ“, даже „превышніе лица“ называли „еретиками“, прибавляя: „много о томъ и говорить нечего,

буде намъ не дадите противъ нашего письма воли, мы вастни въ чемъ слушати не хотимъ". Такимъ образомъ, конецъ дѣла далъ даже больше, по крайней мѣрѣ для видимости, чѣмъ могли миссіонеры ожидать по его началу и продолженію. Но такое поведеніе кинешемскихъ раскольниковъ нисколько и не удивительно. Ихъ челобитная была написана въ прямой надеждѣ на торжество раскола, а не изъ-за сомнѣній въ его правотѣ. Возможность разсѣянія сомнѣній относительно православія здѣсь совсѣмъ не предполагалась. Наученные Иваномъ Страннымъ, и не только наученные, но и доведенные до возбужденности, какая возможна на религіозной почвѣ, кинешемскіе раскольники оказались недоступны для какихъ-либо увѣщаній. Особенное для миссіонерскаго воздѣйствія препятствіе заключалось здѣсь въ томъ, что это были люди, не знавшіе даже грамоты. Они восприняли ученіе раскола сравнительно еще недавно, но важно то, что восприняли его чрезъ устное наставленіе, путемъ бесѣдъ, по книгамъ же провѣрить себя не могли. Вся ихъ вѣра зиждилась на авторитетѣ совратившаго ихъ расколоучителя, и разъ этотъ авторитетъ еще не былъ, въ ихъ глазахъ, поколебленъ, оставались непоколебимыми и ихъ вѣрованія, ихъ религіозныя понятія. Это были люди, какихъ въ расколѣ старообрядства не мало и теперь,—много было и въ XVII вѣкѣ. Они хотѣли говорить отъ книгъ, а грамотѣ не учились. Само собою разумѣется, что такимъ людямъ нуженъ былъ руководитель, нуженъ былъ авторитетъ. Безъ него ихъ положеніе немыслимо, т. е. немыслима никакая перемѣна въ ихъ положеніи. Но на кинешемскихъ бесѣдахъ расколоучителя Ивана Страннаго совсѣмъ не было. Не посрамленный миссіонерами только потому, что въ бесѣду съ ними не вступалъ, Странный однако по прежнему оставался въ умахъ своихъ кинешемскихъ учениковъ непобѣдимымъ. А съ нимъ не была „побѣждена" и ихъ вѣра. Одно дѣло, если бы остался безотвѣтнымъ на святительскомъ дворѣ или—еще того важнѣе—въ Казанской церкви Странный; и совсѣмъ другое дѣло, когда и тамъ и здѣсь должны были отвѣчать, и остались безотвѣтны. его ученики,—то Васька, то Тимошка, то Андрюшка. Въ первомъ случаѣ, и съ точки зрѣнія самихъ кинешемскихъ раскольниковъ, было бы, дѣйствительно, посрамленіе,—паденіе авторитета, а съ нимъ и всего его ученія; во второмъ случаѣ. наоборотъ,—ничего подобнаго кинешемскіе расколь-

ники не испытывали. Вотъ положеніе: „дѣло-то правое, въ этомъ всѣ убѣждены, но доказать это можетъ не всякій". Отсюда кинешемскіе раскольники всякаго, вопрошавшаго ихъ о вѣрѣ ихъ, отсылали къ своему учителю. Отсюда, выразивъ желаніе разсуждать о вѣрѣ съ „учеными людьми", они при первомъ же вопросѣ со стороны послѣднихъ, ни мало не обинуясь, отвѣтили, что, какъ „незнающіе грамотѣ", не знаютъ и того, такъ ли нужно вѣровать, какъ написано въ Символѣ вѣры, но то твердо знаютъ, что нужно вѣровать такъ, какъ написано въ ихъ челобитной, и наоборотъ, что не нужно вѣровать такъ, какъ учитъ никоніанская „новая вѣра". Больше того: когда миссіонеры, указавъ, что въ упомянутой челобитной четвероконечный крестъ святый названъ „образомъ мерзкимъ", спросили кинешемскихъ учениковъ Страннаго, въ какомъ писаніи они обрѣли такую хулу,—то эти ученики отвѣтили: „не знаемъ,—учитель такъ написалъ". Свести раскольниковъ съ этой точки зрѣнія было крайне трудно, и кинешемскимъ миссіонерамъ достичь этого дѣйствительно не удалось. Въ то время, какъ миссіонеры пытались на каждый вопросъ о православіи дать отвѣтъ по „существу", раскольники считали достаточнымъ ограничиваться лишь отрывками, держа въ своемъ умѣ, что даже и они „незнающіе грамотѣ", знаютъ много „винъ" за церковію, въ подробности же все знаетъ ихъ „учитель".

Остановившись на этихъ отрывкахъ, на разныхъ обрядовыхъ частностяхъ, кинешемскіе раскольники никакъ не могли ни оцѣнить, ни понять то „существенное", на что указывали имъ миссіонеры. Рѣчь выходила какъ бы на разныхъ языкахъ. Напримѣръ, миссіонеры говорили: „крестъ святый четвероконечный въ святой церкви почитается издревле; въ церкви святой и нынѣ того четвероконечнаго креста вездѣ исполнено есть; церкви же подобаетъ повиноватися". Раскольники отвѣчали на это какъ разъ обратнымъ заключеніемъ: „мы церкви святой истинной не противимся и нынѣ, но—той, въ которой на просфорахъ крестъ осмиконечный, а не крыжъ латинскій; а крыжу мы чести никогда воздавати и поклонятися не будемъ". Такимъ образомъ, миссіонеры святость и спасительность религіозныхъ обрядовъ ставили, какъ и подобаетъ, въ зависимость отъ позволенія употреблять ихъ со стороны церкви, поясняя, конечно, что и сами по себѣ, по своему внутреннему смыслу, обряды не противорѣчатъ тому

или другому православному, содержимому церковію, ученію. Раскольники, наоборотъ, заключая сущность того или другаго пункта православнаго ученія въ извѣстный обрядъ или въ извѣстную форму обряда, православіе или еретичество употреблявшихъ или неупотреблявшихъ эти обряды лицъ ставили въ зависимость исключительно отъ этого послѣдняго факта, т. е. отъ этихъ употребленія или неупотребленія, и потому „истинность“ церкви опредѣляли по содержимымъ ею обрядамъ, напримѣръ, по тому, какой формы она содержитъ и почитаетъ крестъ. При такой постановкѣ дѣла всѣ разсужденія о необходимости повиноваться церкви теряли въ глазахъ раскольниковъ всякую силу убѣдительности. И какъ далеко заходилъ этотъ раскольническій пріемъ — всецѣло основываться только на обрядахъ, даже на одномъ обрядѣ, даже на одной только частичкѣ обряда, на положеніи обрядоваго предмета только въ извѣстномъ мѣстѣ, только при извѣстныхъ условіяхъ, а никакъ не въ другомъ и не при другихъ, не подходящихъ ни подъ какія иныя сравненія и подобія, видно, напримѣръ, изъ рѣзкихъ и хульныхъ отзывовъ кинешемскихъ раскольниковъ о четвероконечномъ крестѣ на просфорахъ. Когда миссіонеры указывали имъ, что четвероконечный крестъ обрѣтается на церквахъ и въ церквахъ,— напримѣръ, на ризахъ, на эпитрахиляхъ, на пеленахъ,—раскольники возражали: „креста святаго четвероконечнаго, который на ризахъ, на патрахиляхъ и на пеленахъ, мы не хулимъ,—тамо ему отъ святыхъ отецъ и велѣно быть“; но зачѣмъ Никонъ „посадилъ“ тотъ крестъ „на просфоры“,—тутъ мѣсто креста „трисоставнаго“, а не „крыжа“.

Была еще одна сторона въ миссіонерскомъ воздѣйствіи архимандрита Игнатія и протопопа Іоанна, отъ которой можно было бы ожидать существенной пользы для его успѣха. Разумѣемъ пастырскій, миролюбивый тонъ увѣщаній, который былъ предписанъ въ царскомъ и патріаршемъ наказѣ миссіонерамъ и о которомъ не разъ упоминаетъ и самъ Игнатій въ своемъ повѣствованіи. Какъ можно догадываться изъ нѣкоторыхъ частностей этого повѣствованія, расколъ вызывалъ миссіонеровъ и на болѣе рѣзкія, хотя и справедливыя сужденія; подавали къ тому поводъ въ частности и рѣчи раскольническихъ собесѣдниковъ; но повѣствованіе отмѣчаетъ при этомъ и случаи „моленія со всякою кротостію“, съ какимъ миссіонеры обращались къ увѣщаемымъ ими лицамъ. Къ сожа-

лѣнію, то было время „градскихъ казней“ для раскольниковъ. Какъ несовмѣстимыя съ мѣрами пастырскаго воздѣйствія, онѣ такъ сказать въ конецъ парализовали силу и успѣхъ этого послѣдняго Въ количественномъ отношеніи, для видимости, мечъ свѣтской власти былъ помощникомъ мечу духовному. Такъ случилось и въ Кинешмѣ. когда три раскольника, сидя на съѣзжемъ дворѣ за-карауломъ и предвидя послѣдствія градскаго суда надъ ними, надумали принести „покаяніе“, о чемъ и подали письменную „повинную“ миссіонерамъ Игнатію и Іоанну. Но на самомъ дѣлѣ эта „помощь“ приносила только вредъ. Болѣе слабыхъ—„градскій законъ“, осуждавшій упорнаго раскольника на сожженіе въ срубѣ—заставлялъ лицемѣрить, болѣе сильныхъ — ожесточалъ, доводилъ до фанатизма. Истина церкви, всегда сильная сама въ себѣ и не нуждающаяся ни въ какой внѣшней помощи, теперь подверглась въ глазахъ раскольниковъ двойному подозрѣнію, какъ и самые пріемы защитниковъ ея. Расколъ же чрезъ все это выигрывалъ въ своей борьбѣ съ церковію. Находились страдальцы за расколъ, именовавшіеся „мучениками за вѣру“. Они являлись своего рода сѣменемъ для раскола. Такъ случилось и въ Кинешмѣ. „Градскій законъ“ парализовалъ силу пастырскаго воздѣйствія со стороны Игнатія и Іоанна можно сказать отъ начала до конца. Мысль о „градскихъ казняхъ“ просто воодушевляла кинешемскихъ раскольниковъ, когда они вели „разговоры“ съ миссіонерами. Къ сожалѣнію, эти послѣдніе не старались избѣгать тѣхъ случаевъ, гдѣ напоминаніе о жестокомъ гражданскомъ законѣ еще болѣе усиливало возбужденность увѣщаемыхъ. Уже одно то обстоятельство, что увѣщаемые были приводимы на увѣщанія подъ карауломъ и отъ него не освобождались, не могло расположить ихъ къ безпристрастному взгляду на своихъ увѣщателей. То была обстановка для суда надъ гражданскимъ преступникомъ, а не для увѣщанія церковнаго „отступника“, заблуждающагося лишь „по невѣдѣнію писанія“. Поэтому, съ первыхъ же рѣчей миссіонеровъ раскольники стали отзываться, что они пришли совсѣмъ не для того, чтобы „принять новую вѣру“. А когда архимандритъ Игнатій, по поводу написанной въ кинешемской челобитной хулы на четвероконечный крестъ, замѣтилъ, что „сего ради хуленія единаго прежде сего таковыхъ хульниковъ и отступниковъ, яко и чародѣевъ, градскимъ закономъ казнили“,—то раскольникъ Василій Макси-

мовъ, не сдерживая рѣзкаго тона, въ запальчивости произнесъ: „у васъ то и здумано, что насъ мучити,—но мучьте, а мы старой вѣры не покинемъ и щепотію креститися не будемъ“. Игнатій прекрасно понялъ весь вредъ такой настроенности раскольниковъ для дѣла ихъ увѣщанія, и чтобы ослабить впечатлѣніе, повелъ рѣчь въ томъ смыслѣ, что государь и патріархъ послали ихъ, архимандрита и протопопа, совсѣмъ не для мученія, а только для возвѣщенія церковной истины. Но затѣмъ и онъ долженъ былъ добавить, что гражданскому суду они, кинешемскіе челобитчики, дѣйствительно будутъ преданы, если не откажутся отъ своего упорства въ противленіи церкви. Но на это и указывалъ Василій Максимовъ, и, значитъ, впечатлѣніе отъ его словъ ослаблено не было. Съ этого момента отзывы раскольниковъ о церкви и ея сынахъ въ своей рѣзкости и хульности пошли на повышеніе. Фигурируютъ крыжъ—какъ „образъ мерзкій“, щепоть—какъ „знаменіе антихриста“, противосолоніе—какъ „заплеваніе“ на церковь. Въ заключеніе, когда Игнатій и Іоаннъ указали на благочестіе восточныхъ и русскаго патріарховъ и добавили, что въ томъ же благочестіи пребываютъ и великіе государи цари, самодержцы россійскіе, то Василій Максимовъ, все въ той же, конечно, мысли о градской казни, уже совсѣмъ не полагая границъ своей смѣлости и дерзости, сказалъ: „да вы всѣ еретики“. Тогда и архимандритъ въ негодованіи воскликнулъ: „враже Божій, исчезни, и да заградятся уста твоя“,—и велѣлъ выслать раскольниковъ вонъ. На бесѣдѣ 3-го октября такія же „безчестныя словеса“ на „превысочайшія лица“ произносилъ Тимоѳей Максимовъ. Миссіонерамъ пришлось на этотъ разъ обратиться къ караульщикамъ: „велѣли караульщикамъ того раскольщика Тимошку закликнуть“. Тѣ „закликнули“ и Тимошка, правда, „отъ того хуленія преставъ“. Но въ то же время раскольники заговорили: „какъ отецъ нашъ Аввакумъ протопопъ пострадалъ, такожде и мы хотимъ пострадати“. Такое впечатлѣніе произвело на нихъ это обращеніе миссіонеровъ къ помощи караульщиковъ. Миссіонеры стали было увѣщать: „Аввакумъ — изверженный протопопъ, за противность свою отъ всего священнаго собора проклятъ и градскимъ закономъ по указу великихъ государей казненъ, а не по Христовѣ церкви пострадалъ, и вамъ послѣдовати ему не достоитъ“. Но раскольники только и замѣтили на это

съ полной силой молчаливаго убѣжденія: „много о томъ говорить нечего“. Въ заключеніе, повинные требованію тяжелаго закона, Игнатій и Іоаннъ должны были объявить кинешемскимъ раскольникамъ о послѣдствіяхъ ихъ упорства и нежеланія оставить расколъ, и надо думать, что миссіонеры объявляли это съ тяжелымъ на сердцѣ чувствомъ. Игнатій передаетъ объ этомъ въ такихъ словахъ. „Архимандритъ и протопопъ говорили раскольникамъ: великіе государи цари и великій господинъ святѣйшій патріархъ, по вашему челобитью, присылали насъ къ вамъ, чтобы вамъ разумъ отъ божественныхъ писаній подати и ваше сумнѣніе разрѣшити; и чтобы вы во всемъ, якоже вамъ, по благословенію великаго господина святѣйшаго патріарха, читахомъ и сказовахомъ, повиновалися; и вы въ томъ послушанія сотворити не восхотѣстѣ; и сего ради буди кровь ваша на главахъ вашихъ, святая церковь нынѣ уже отъ того свободна; не обинуяся бо сказахомъ вамъ всю волю Божію и святыя церкви; и то имъ сказахомъ, отослали ихъ за карауломъ къ стольнику и полковнику да съѣзжій дворъ?“ Теперь, на такое объявленіе, кинешемскіе раскольники должны были отвѣчать уже не словомъ, а самымъ дѣломъ. Какъ они отвѣчали, это мы уже знаемъ. Результатъ поѣздки погубленъ былъ по крайней мѣрѣ наполовину...

V.

Кн҃га о посы҃кѣ Новоспаского мн҃трѧ архима҃дрита в Костромской и въ Кинешемской уѣзды во 195-м году к расколнико҃м о увѣщанїи ихъ ко исти҃нои вѣрѣ.

Лѣта ҂зр҃че-го Авгꙋста въ к҃з. день Великіѧ Гд҃ри Цр҃и и вели́кіѧ кн҃зи Іѡа́ннъ Алексіевичь, Петръ Алексіевичь и Великаѧ Гдр҃нѧ Бл҃говѣрнаѧ Цр҃евна и вели́каѧ Кнѧжна Софіа Алексіевна всеа Вели́кіѧ и҆ Ма́лыѧ и Бѣ́лыѧ Рѡссі́и самоде́ржцы: и Вели́кій Гд҃нъ Ст҃ѣйшій Кѵ́ръ Іѡакімъ Московскій и всеѧ Рѡссі́и и всѣхъ Сѣверныхъ стра́нъ патріархь указа́ли Новоспа́ского мн҃трѧ а҆рхимандри́тꙋ Ігна́тію: да протопопꙋ Іѡа́ннꙋ ѣ́хать въ Костромскои и въ Ки́нешемскои уѣзды, и҆ гдѣ ꙋкажетъ столника кн҃зь Лꙋкинъ кр҃тіанинъ Кинешемскогѡ ꙋѣ́здꙋ др҃вни Бли́н-

нихи Тимо́шка Максимовъ, который посланъ с столникомъ и полко́вникомъ Дмитріемъ Жуковымъ противниковъ брата своего Васку и товарищевъ своихъ, про которыхъ онъ сказалъ, что̀ ево послали, и тѣхъ расколниковъ разговаривати и увѣщати отъ кн҃гъ Бж҃ственнаго писанїѧ, чтобы они отъ злобъ своихъ и прелести престали и обратилисѧ и привести ихъ в истинное познаніе и въ покаѧніе къ Ст҃ѣи Бж҃іи цр҃кви и были бы они у отцевъ своихъ дх҃овныхъ въ всѧкомъ послушаніи и впредь бы ко ст҃ѣи цр҃кви противленіѧ и расколу не творили.

А буде они отъ своеи прелести къ Бг҃у покаѧніе и ко ст҃ѣи цр҃кви повиновеніе принесутъ, и ихъ по обращеніи увѣщавъ и утвердѧ бж҃ственными законы и ст҃ыѧ православныѧ цр҃кви сщ҃енными преданми, любезно со всѧкимъ потщаніемъ и кротостно отдати сщ҃енникомъ тѣхъ цр҃квеи, у которыхъ они были въ приходѣхъ и приказать над ними смотри́ть почасту и утверждати, чтобы они впредь на прежнюю прелесть не возвратилисѧ.

И нн҃ѣшнѧго рч҃ѕ го́ду Септевріа въ г҃. день по указу Великихъ Гдр҃еи и Великаго Гдн҃а ст҃ѣйшаго Патріарха: Архимандритъ Ігнатіи и протопопъ Іωаннъ поѣхали съ Москвы на Кинешму.

И Септемвріа въ в҃і. день пріѣхали на Кинешму и Кинешемскіѧ соборныѧ цр҃кви протопопъ Іωаннъ Матѳеевъ и съ прочими сщ҃енники и съ нѣкоторыми отъ гражданъ встрѣтили.

И архимандритъ и протопопъ въ Соборную цр҃ковь вшедши и къ собравшимсѧ въ цр҃квѣ наро́дωмъ возвѣщали мл҃рдое жалованіе Великихъ Гдр҃еи Цр҃ей и Бл҃гословеніе Великаго Гдн҃а ст҃ѣйшаго Патріарха, что послали насъ, богомольцевъ своихъ, менѐ архимандрита Ігнатіа и протопопа Іωа́нна къ вамъ на Кинешму васъ въ бл҃гочестіи православныѧ вѣры твердостно и непревратно стоѧщихъ укрѣплѧти, а колеблющихсѧ въ малодушествіи о православнои вѣрѣ утѣшати, дабы не волновалисѧ помышленми своими и не слушали бы ученіѧ злыхъ отступниковъ, поучающихъ отбѣгати отъ ст҃ыѧ цр҃кве. А буде

которыѧ ихъ прелестны̑ отступническимъ ученіемъ отъ цр҃кви ст҃ой отбѣгли, и они бы обратилисѧ ко ст҃ой цр҃кви, а сами себе сомовольною пагубою не погꙋблѧли и не сожигали. Ꙗ҆́коже гл҃етъ бж҃твенное писаніе: ѧ҆́кѡ нѣсть кромѣ ѡ҆сꙋжденіѧ и҆́же самъ себе ꙋбива́ѧй, или сожига́ѧй. [1])

И потомъ говорили о знаменованіи троеперстномъ чт҃наго кр҃та и о молитвахъ Іи҃совыхъ. [2])

Септевріа въ г҃і. дн҃ь послѣ ст҃ой літургіи къ собравшимсѧ наро́домъ гл҃ахѡмъ Толкованіе о ст҃ой цр҃кви и о бж҃твеннѣй Літургіи и читахо̑ о кр҃тѣ четвероконечномъ.

Септевріа въ д҃і. дн҃ь А҆рхимандритъ Ігнатіи и протопопъ Іѡаннъ и Кинешемскій протопопъ Іѡаннъ и трое сщ҃енниковъ и трое діаконовъ служили въ Соборнѣй цр҃ви Сп҃сова Преѡбраженіѧ ст҃ꙋю Літоргію и҆ поученіе бы́ло на̀ расколниковъ отъ Псалма л҃г, емꙋ же начало: Пріиди́те ча́да послꙋшайте мене [3]) и прочаѧ.

И стіхъ: Лице́ же Гд҃не на творѧ́щаѧ ѕлаѧ, е҆́же потребити отъ земли па́мѧть ихъ [4])—толко́вано на расколниковъ и҆ повѣдахѡмъ о блѧдословнои ихъ ереси: Ка́кѡ они отступници от ст҃ыѧ цр҃кви отступивше и ѧко пси нечистіи сꙋть. Понеже не имѣютъ ст҃ыѧ цр҃кве, ни архіереа, ни сщ҃е́нника, и егда рождаютъ жены ихъ дѣти, не ѡ҆чищаютсѧ сщ҃енниковыми молитвами.

И аще и мл҃твꙋ даютъ илѝ и крщ҃аютъ, а не поставленни сꙋще іереами не сꙋть очищены мл҃твами, ниже кр҃ще́ніемъ, па́че же и҆ проклѧти и ѧ҆́ко поганцы сꙋть, понеже и не каютсѧ отступницы сꙋще и хꙋлѧтъ на животворѧщій ст҃ыи четвероконе́чный кр҃тъ, имже все христіанство знаменꙋютсѧ. А҆ четвероконечныи ст҃ыи кр҃тъ е҆́сть истинныи, ѧкоже о нѐ писано есть въ кн҃гѣ Жезлѣ правленіѧ [5]) въ возѡбличеніи въ к҃г-мъ. А҆ во ѡ҆кончаніи того поученіѧ положихъ изъ тоѧ же книги возъѡбличеніе л҃. ѡ҆ мл҃твѣ: Гд҃и Іи҃се Хрт҃е Бж҃е на́шъ, поми́лꙋи насъ. [6])

Того же дни Воздвиженіѧ чт҃наго кр҃та къ вечерни народомъ собравшимсѧ и҆ слꙋшавшымъ вечернѧго пѣніѧ, гл҃а А҆рхимандритъ Ігнатіи черниговскомꙋ протопопꙋ Іѡаннꙋ Іѡаннову,

да речетъ по указу Великихъ Гдрей и Ст҃ѣишаго Патріарха слово утѣшенія къ людемъ; и то послушавъ протопопъ и въземъ книгу ст҃аго Єѵ҃лія воскреснаѡ҃ въ толкованіи оставшую часть дне того и прочетъ съ разсужденіем, и въ томъ поученіи много отъ писаніи приведе о добродѣтельнѡ҃ житіи и дабы отступникѡ҃ Капитонѡмъ не послѣдовали, возвѣщая имъ нѣкогда и свое противленіе и какѡ милосердіемъ Бж҃іимъ от того свободися и какѡ и от чадъ своихъ дх҃овныхъ увѣдавъ многую ихъ Капитонскую лесть, и сего ради моляше въ поученіи, дабы никако же отъ цр҃кви отбѣгали, но непрестанно бы въ ней пребывали. И въ томъ поученіи привелъ о погибели Галілеанъ писаннои во Єѵ҃ліи отъ Лукѝ ст҃аго зачал: о҃, и҆х же кровь смѣшена съ жертвами, и аще не покаются, то и Капитонове такожде погибнутъ, и дабы̀ того̀ не пострадати, годствуетъ имъ пріити ко ст҃ой цр҃ви, и покаяніемъ себѣ милостиваго Бг҃а сотвори́ти, и посемъ скончавъ поученіе.

И послѣ того поученія воставъ Архимандритъ и ставъ посредѣ цр҃кве возгласи сице: Слушасте возлюбленніи хрістіане словеса Бж҃твенныхъ писаній, яже изрече сщ҃енный протопопъ, яко велми ползующая ко спасенію, потщитеся убо не точію слышати, но и творити ѧ҃, ѧ҃коже гл҃етъ Бж҃твенный гласъ: Блж҃ени слышащіи слово Бж҃іе и творящіе є҃. И а҆пл҃ъ: Не слышателіе бо закона, но творцы̀ оправдятся предъ Бг҃омъ.

И по семъ архимандритъ начавъ гл҃ати имъ о началѣ кр҃щéнія Россійскія земли и како воспріятъ кр҃щéніе ст҃ыи кн҃зь Влади́міръ въ Корсу́нѣ и како ст҃ыя І҆коны и҆ ст҃ый кр҃тъ корсунскій четвероконечный принесе изъ Корсуня и тои ст҃ыи кр҃тъ и донынѣ въ соборнѣй цр҃кви на Москвѣ. И҆ повѣсть учинилъ, чесѡ ради у҆ насъ римляне проклятн, яко є҆ретическаго ради ихъ ученія и прилога въ сѵмво́лѣ и҆ в приношеніи ѡ҆пресноковъ, вмѣсто квасного хлѣба.[8])

И по семъ и паки на расколниковъ вкратцѣ о четвероконечном кр҃тѣ̀ и҆ о мл҃твѣ І҆и҃совѣ и҆ о сложеніи перстовъ[9]) и҆ о

сожига́тельстѣ́хъ ихъ ѿ ст҃аго ѳ҃ѵліа: *) Ѣ́же, собери́те перѣ́ве плевелы́ и свяжи́те а҃ въ снопы, ако сожещи а҃. Ѩко то слово о нихъ йсполнисѧ, понеже на обинахъ суть снопы и они тамо сожигаютсѧ. [10])

Й па́ки бо ѳ҃ѵліи: Аще слепецъ слепца́ водитъ, не о҃ба ли въ ямꙋ впаде́та.**) А подъ обино́мъ суть ямы, и тое паки ѻ нихъ же Капитѡ́нахъ испо́лнилосѧ. [11])

Септе́вріа въ з҃і. день праздновали ст҃ой великомꙋче́ницѣ Софіи и молили Гд҃а Бг҃а о многолѣ́тномъ здравіи великихъ Гд҃рей и вели́кіа Гд҃ни Бл҃говѣ́рныа Цр҃е́вны и великіа Кн҃жны Софіи Алексіе́вны, и архимандритъ Игна́тій и протопо́пы со сщ҃е́нники въ соборнѣ́й цр҃кви служили бж҃тве́нную Літ҃ꙋргію и послѣ́ літ҃ꙋргіи поꙋче́ніе отъ Бесѣ́дъ на Посланіа Апⷭ҃ла ст҃аго Іѡа́нна Златоꙋ́стаго, и въ томꙋ паки приложи́хъ о вхожде́нии во ст҃ꙋю Цр҃ковь, ако подобаетъ непрестанно приходити и не ѿдаля́тисѧ отъ нея по рече́нію ѱалмопѣ́вца: а҃кѡ, се ѿдаля́ющіи себѣ́ отъ тебе погибнꙋтъ.

И посе́мъ гл҃ахъ о осщ҃е́нии цр҃кве на хра́мѣхъ, ѣ́же хра́мъ хожде́ніе напра́во къ полꙋдню, и на хотѧщихъ ходити налѣ́во къ сѣ́веру, и а҃ко подобаетъ изшедъ изъ цр҃кве и wбрати́тисѧ стати пря́мо лицемъ къ востоку и ити напра́во къ полꙋдни, а не налѣ́во къ сѣ́веру, протолкꙋ́ѧ отъ про́чихъ чино́хъ цр҃ко́вныхъ, отъ рꙋкоположе́нія, каже́нія и пренесе́нія ст҃ы́хъ дарѡ́въ въ великомъ вхо́дѣ и о свѣ́тлѣ҃ дни́ исхожде́нія, и въ томъ поꙋче́нии нарицаѧхъ тѣ́хъ, йже не хо́дятъ на осщ҃е́нии за ст҃ы́ми Іконы, невѣ́рными, или́ суть и не кре́щены, [12]) и по се́мъ нравоꙋче́ніе отъ словесъ Златоꙋ́стовыхъ, и скончахъ.

И по мно́гіа дни́ архимандритъ и протопо́пъ во ст҃ы́хъ цр҃квахъ по́розни отъ Бж҃тве́нныхъ писа́нии ꙋвѣщева́телнаа поꙋче́нія къ бл҃гочести́вымъ хрістіа́намъ и о обраще́нии раско́льниковъ ко ст҃ой цр҃кви чита́ли и поꙋча́ли и дабы преста́ли

---

*) *На полѣ:* Мѳ. ѝѣ

**) *На полѣ:* Мѳ. зѣ

расколники отъ пагубнаго своего и прелщеннаго неистовства и сами себѐ не сожигали и напрасно себе не погубляли.

И Септе́бріа въ к҃д. дн҃ь передъ архимандрита Ігна́тія и протопо́па Іѡа́нна сто́лникъ и полковникъ Дмитрей Романовъ сн҃ъ Жу́ковъ присылалъ расколниковъ Андрю́шку Іѡа́ннова зъ дѣтмѝ съ Ѳедкою и Іва́шкою, да Тімошку и Ва́ску Максимовыхъ и товарищевъ и҆хъ Жку́шку и Аѳо́нку для увѣща́нія и бесѣды къ ни́мъ отъ Бж҃ественнаго писа́нія.

И какъ ихъ пред архимандрита и пред протопопа поставили, и архимандри́тъ Ігнатій и протопопъ Іоаннъ воста́ли на мл҃тву, гл҃я: Сла́ва Ѿцу и Сн҃у и Ст҃о́му Дх҃у и нн҃ѣ и пр҃нѡ и во вѣки вѣко́въ. Ами́нъ. Гд҃и поми́луй, тріжды. И мл҃тву: Вл҃ко многоми́лостиве, Гд҃и Іи҃се Хр҃те, Бж҃е на́шъ, всю до конца̀, ѧже чте́тся въ Літіяхъ.

И по̀ мл҃твѣ сѣдо́ста архимандри́тъ и протопо́пъ, въ то̀ же вре́мя былъ ту и столникъ и полко́вникъ Дми́трей Жу́ковъ.

И нача́тъ архимандри́тъ вопроша́ти раскольниковъ: Кто̀ бы естѐ и кото́рыя вѣры.

Раско́лники говорили: Мы́ де Хр҃тіане и вѣруемъ въ Гд҃а Іи҃са Хр҃та сн҃а Бж҃ія, сотво́рившаго небо и землю.

И архимандритъ говорилъ: Вы̀ ли съ това́рищи свои́ми присылали къ Великимъ Гдр҃емъ и къ Ст҃ѣйшему Патріарху къ Мо́сквѣ съ пи́смами товарища своего Тімо́шку Максімова и приказали би́ть челомъ, что́бы къ ва́мъ присла́ть на̀ Ки́нешму ѹче́ныхъ людей говори́ть ѡ вѣрѣ.

И расколники сказали: Мы де товарища своего̀ Тімо́шку съ челоби́тною и съ пи́смами посыла́ли къ Мо́сквѣ и Вели́кимъ Гдр҃емъ ѡ томъ би́ть челомъ велѣли и говори́ть хоти́мъ о вѣрѣ.

И архимандри́тъ говорилъ: Вѣра у́бо правосла́вная сія̀ е҆́сть, еже вѣровати во и҆́мя Оц҃а и Сн҃а и Ст҃аго Дх҃а и и҆сповѣдати сѵмво́лъ правосла́вныя вѣры и гл҃ати:

Вѣрую во еди́наго Бг҃а Оц҃а, вседержителя, творца нб҃у и землѝ, ви́димы̀ же всѣмъ и неви́димымъ. И во̀ еди́наго Гд҃а Іи҃са Хр҃та, сн҃а Бж҃ія, е҆динороднаго, и҆же от Оц҃а рожде́ннаго

прежде всѣхъ вѣкъ. Свѣта отъ Свѣта, Бг҃а и҆стинна от Бг҃а и҆стинна, рожденна, не сотворе́нна, единосꙋ́щна Оц҃ꙋ, и҆́м же всѧ̀ бы́ша. На́съ ради чл҃къ и҆ на́шего ра́ди спасе́нїѧ сше́дшаго съ небесъ, и҆ воплоти́вшагосѧ отъ Дх҃а ст҃а и Мр҃їи дв҃ы, и вочл҃чшасѧ. Распѧ́таго же за ны̀, при понтїи́стѣмъ Пилатѣ̀ и҆ страда́вша, и҆ погребе́нна, и҆ воскре́сшаго въ тре́тїй де́нь по̀ писанїемъ. И҆ возше́дшаго на нб҃са и сѣдѧ́ща о҆деснꙋ́ю Оц҃а. И҆ па́ки грѧдꙋ́щаго со сла́вою сꙋди́ти живы́мъ и҆ мертвымъ. Є҆го́ же цр҃твїю нѐ бꙋ́детъ конца̀.

И҆ въ Дх҃а ст҃аго, Гд҃а животворѧ́щаго, и҆́же от Оц҃а и҆сходѧ́щаго, і҆́же со Отц҃емъ и Сн҃омъ спокланѧ́ема и҆ съсла́вима, гл҃авшаго пр҃рки.

Во̀ є҆ди́нꙋ ст҃ꙋю собо́рнꙋю и҆ а҆пл҃скꙋю цр҃ковь.

Исповѣ́дꙋю є҆ди́но кр҃ще́нїе во̀ ѡ҆ставле́нїе грѣхо́въ.

Ча́ю воскр҃нїѧ ме́ртвыхъ. И҆ жи́зни бꙋ́дꙋщаго вѣ́ка, А҆́минь.

И҆ такова́ѧ вѣ́ра есть а҆пл҃скаѧ и собо́рнаѧ, ю҆́же на̀ пе́рвомъ Никїйско̑. тиі. ст҃ыхъ Оц҃ъ, и҆ на̀ второ́мъ Константїнопо́лскомъ вселе́нскомъ ст҃ом̑ собо́рѣ. р҃н. ст҃ыхъ Ѿц҃ъ преда́ша ст҃ѣ́й цр҃кви и҆ си́це правосла́внымъ хрїстїаномъ храни̑ти повелѣ́ша. И прочїи ст҃ыхъ Оц҃евъ собра́вшисѧ на̀ пѧти вселе́нскихъ собо́рѣхъ такожде ꙋтвердиша. Вы̀ ꙋ҆́бѡ та́кѡ ли вѣ́рꙋете.

Раско́лники говори́ли: Мы́ де грамотѣ̀ нѐ зна́емъ, толкѡ говори́мъ, что̀ но́выѧ вѣ́ры нѐ прїе́млемъ и҆ Кр҃та Хр҃това трїсоста́внаго не ѿлꙋча́емсѧ. А҆ ка́къ вѣ́рꙋемъ и҆ то̀ ꙋ на́съ напи́сано въ пи́смахъ, что къ Вели́кимъ Гд҃ремъ посла́ли.

И архимандри́тъ говори́лъ: въ ва́шемъ писмѣ̀ написано, животворѧ́щїи кр҃тъ, что̀ на̀ просфора́хъ, четвероконе́чный, образъ ме́рзкїй: въ кото́ромъ вы̀ писа́нїи такꙋ́ю хꙋлꙋ̀ на̀ кр҃тъ ст҃ы́й о҆брѣто́сте.

Раско́льники же отрица́ѧшесѧ того̀ сло́ва, ѧ҆́кѡ бы не вѣ́даѧ, что̀ де то̀ ꙋ҆чи́тель и҆́хъ написалъ, а҆ мы́ де тогѡ̀ не зна́емъ.

А҆рхимандритъ говори́лъ: Ꙋ҆чи́тель вашъ а҆́ще томꙋ̀ васъ ꙋ҆чилъ, что́бы кр҃тъ Хр҃товъ четвероконе́чный нарица́ти образомъ мерзкимъ, то̀ ꙋ҆бѡ видите ли, ѧ҆́кѡ въ се́мъ бы велми̑

хулници єсте, ꙗкω йм же ѻбразѡ Крта ст҃аго знаменаемсѧ, а того же и хулите, то какω не отступницы и безвѣрницы єсте. И сегѡ ради хуленїа єдинаго, прежде сегѡ, таковыхъ хульниковъ и отступниковъ, ꙗко и чародѣевъ, градскимъ закономъ казнили. [13])

Раскольникъ же Васка рече: Я васъ де то и здѣлано, что насъ мучити, йно де мучте, а мы де старой вѣры не покинемъ и щепотію креститисѧ не вдемъ.

И архимандритъ емѹ говорилъ: Великіе Гдри и Великіи Гдиъ ст҃ѣйшій патріархъ мене архимандрита и сего протопопа послали не для мученїа, но для йстиннаго возвѣщенїа къ вамъ, по вашемѹ человѣколюбію, жалуючи васъ, и не хотя безъ собезщеннаго вамъ возвѣщенїа по своимъ Гдрскимъ ѹказомъ и по градскомѹ закону предати васъ казни. Но єгда ѹчинитесѧ противны воли ст҃ыѧ цр҃кви, тогда то постражденте. Я вѣдѣ слышавъ нынѣ Бжіе человѣколюбіе и Великихъ Гдрей мт҃ь, и Великаго Гдиа ст҃ѣйшаго патріарха благословеніе, и ст҃ѣй цр҃кви ни въ чемъ противитисѧ не вдете, и сложенїа троеперстнаго въ знаменованіи крта ст҃аго похулити не ѹчнете, и вы таковой казни не постражденте.

Подобаетъ же вамъ тое прощеніе не тѹне имѣти, но непрестанно каятисѧ ѡ таковомъ своемъ безѹмномъ противленіи и покаяніе со славословіемъ къ Гдѹ Бгѹ въ Трцѣ славимомѹ приносити.

Раскольники говорили: Мы де цр҃кви ст҃ѣй йстинной не противимсѧ и нѣ, той, въ которой на просфорахъ крт҃ъ осмоконечной, а не крыжъ латинскій. Я крыжѹ де мы чести никогда воздавати и покланятисѧ не вдемъ.

Архимандритъ говорилъ: Сегѡ четвероконечнаго крт҃наго знаменїа не подобаетъ вамъ безчествовати и страннымъ именемъ нарицати крыжъ, єже бо полскимъ языкомъ крыжъ, а по гречески σταυρος, а по рѹски крт҃ъ, тожде єдино єсть, но вы ѿ злаго вашего намѣренїа въ хулѹ совратистесѧ. Я сегѡ чтнаго крта начертаема встрашаетсѧ діаволъ и вѣсоке єгѡ со злымъ вашымъ ѹчителемъ, антіхристомъ, тогѡ ради вы

покланѧ́тисѧ и҆ че́сти є҆мꙋ̀ воздава́ть нѐ хотитѐ, а҆ въ цр҃кви ст҃о́й тогѡ̀ четвероконе́чнагѡ кр҃та̀ Хрⷭ҇то́ва вездѣ̀ и҆спо́лнено є҆́сть. И҆ всѧ̀ се́дмь та́инствъ цр҃ко́вныхъ ѻ҆́бразомъ четвероконечнагѡ кр҃та̀ соверша́ютсѧ и҆ всѧ́кій христіа́нинъ правосла́вный тѣ̀м знаменаетсѧ.

Раско́лники говори́ли: Вы̀ де въ антіхріста вели́те ще́потію кр҃ти́тисѧ.

А҆рхимандри́тъ, речѐ: А҆нтіхріста и҆ соꙋченикѡ́въ є҆гѡ̀ и҆ съ ва́ми ѿстꙋ́пниками цр҃ковь ст҃а́ѧ проклина́етъ, а҆ креститисѧ въ негѡ̀ нѐ повелѣва́етъ, но̀ всѣ̀м православны̀м повелѣваетъ на́ себѣ̀ ѻ҆́бразъ Бж҃ственнаго кр҃та̀ тре́ми пе́рвыми пе́рсты и҆зъѡбража́ти во̀ ѻ҆́бразъ Тріѵпоста́снаго во̀ є҆ди́номъ сꙋществѣ Бж҃ства̀, си́рѣчь: во̀ и҆́мѧ Оц҃а̀ и҆ Сн҃а и҆ ст҃а́го Дх҃а.

Раско́лники говори́ли: Вы́ де тре́ми пе́рсты, а҆ нѐ двѣма̀ кр҃тите́сѧ, гл҃ѧ, въ Тр҃цꙋ ст҃ꙋ́ю, и҆ тѣ̀мъ Тр҃цꙋ распина́ете, а҆ Тр҃ца не ра́спѧта.

А҆рхимандри́тъ говорилъ: кр҃ща́етсѧ чл҃къ въ тро́ичное и҆́мѧ, є҆́же є҆сть во̀ Оц҃а̀ и҆ Сн҃а и҆ ст҃а́го Дх҃а, и҆ спогреба́етсѧ Хрⷭ҇тꙋ̀ крщ҃е́ніемъ въ сме́рть, и҆ та́мѡ нѐ гл҃етсѧ, ѧ҆́ко Тр҃ца погребена была̀, та́кѡ и҆ въ зна́меніи крⷭ҇тномъ стра́сть ст҃ѣ́й Тр҃цѣ прилага́ти нѐ прили́чнѡ.

Раско́лники говорили: Вы́ съ Крⷭ҇та̀ Хрⷭ҇то́ва ѻ҆смоконе́чнаго главꙋ̀ сте́рли (а҆ то́е ѻ҆́нъ говори́лъ про коне́цъ дре́ва крⷭ҇тнагѡ, что̀ поверхъ ти́тлы кто̀ ѡ҆ставитъ).

А҆рхимандри́тъ говорилъ: Крⷭ҇тъ Хрⷭ҇то́въ и҆мѣ̀лъ ти́тлꙋ положе́ннꙋ на̀ себѣ̀, по̀ рече́нномꙋ во̀ ст҃омъ Є҆ѵ҃ліи: написа́ же ти́тлꙋ Пила́тъ и положѝ на̀ Крⷭ҇тѣ̀, и҆ тогѡ ра́ди, а҆́ще бы ти́тла поло́жена была̀ по верхꙋ̀ зна́менія крⷭ҇тнаго на̀ вы́шнемъ ро́гѣ пра́вагѡ дре́ва, ѧ҆́коже въ дре́внихъ и҆зъѡбраже́ніѧхъ ви́димъ, ничесѡ́ же въ то́мъ ра́зности какі́ѧ є҆́сть, а҆́ще поло́жена, а҆́ще къ древꙋ пони́же верха̀ приби́таѧ.

По семъ же нача́ша раско́лники говори́ти ѻ҆ ѡ҆сщ҃е́ніи цр҃кве: Вы́ де нн҃ѣ цр҃кви сщ҃а́ете не́ по̀ сл҃нцꙋ хо́дите крꙋгъ еѧ̀ на̀лѣво, а҆ нѐ напра́во; и҆ всю̀ де є҆ заплевасте, а҆ нѐ сщ҃а́ете, длѧ тогѡ̀, что̀ де всѧ́комꙋ чл҃кꙋ ве́лѣно плевать на̀ лѣвꙋю сто́ронꙋ.

Архимандри́тъ и протопо́пъ говори́ли имъ: Церковь стáм слáжитъ бмномý слáнцý, Хрту Бгу, а нѣ чювственномý. И слáнцý чювственномý, áко твáри, никакíе чéсти нѣ твори́тъ, а бо́ сіи́ренiи сты́м цркве, егдá хóдитъ архiерéй со сты́ми моцáми или сіи́ренникъ по блгословéнiю архiерéйскомý со сіи́ренным антимúнсомъ, хóдитъ вкрýгъ цркви напрáвш, а нѣ áкоже вы́слóвите вы нáлѣвш. Егдá во йзы́дутъ йзъ цркве и стáнутъ прáмо лицéмъ къ востóкý, прáвам рýкà бýдетъ ю́жнам страна́ и сегш ра́ди напрáвш и ходятъ кругъ цркве: и то́ есть дрéвнее сты́хъ Оц предáніе, и сіѣ есть ѡскащéніе, а незаплевáніе, áкоже вы́ вы́слóвите, а ѣже плевáти чáкý на котóрую страну́, тогш къ писáнiи нé ѡвръ́тáется, и плевáти вы комý на цркóвь послѣ́днаго сіѣ есть безмéстка, пáче же рещи и ѡстýпства,[14]) áкоже и бáше отстýпство áвно есть, занѣ́ сты́й кртъ нáзвали ѣстѣ óбразо мéрзкимъ.

Раскóльники говори́ли: То́ де написáлъ нáшъ дiáкъ Iвáнъ Прокóпiевъ дла того́, что́ на просфорáхъ бы́лъ кртъ трiсостáвный. И Нíконъ де патрiáрхъ ѣво снялъ и посадúлъ на то́ мѣсто на просфоры́ четверокóнéчный. И мы́ де крта́ стáго четверокóнéчнаго нѣ хвáлили, котóрой на ри́захъ и на патрахúлмахъ, и на пелéнахъ, тамо де емý ѡ сты́хъ Оц и вéлѣкно бы́ть.[15]) Да намъ де ѡ то́мъ и говори́ть бóлши того́ нѣчево, что́ въ нáсъ напúсано на писмѣ́, въ томъ и стоймъ, а еретúческагш преданiя не прúмемъ.

Архимандри́тъ и протопо́пъ говори́ли: Въ стóй церкви, котóрам утверждáется на востóцѣ́ греческй правослáвiемъ, и прáвима ѡ вселéнскихъ патрiáрховъ Константúнополскаго, Iерусалúмскаго и Всерwсíйскаго, и въ тóй стóй цркви въ блгочéстiи Велúкiе Гдри Цри всем Рwссiи Самодéржцы, и все правослáвiе, и ѣреси никакóй нѣ́сть, кромѣ́ васъ раскóльниковъ.

Раскóльникъ Вáска говорилъ: Вы де всѣ́ еретúкй.

И слы́шавъ таковóе раскóличье слóво архимандри́тъ, что́ онъ раскóльникъ ѡбезчéстилъ тѣ́мъ слóвомъ всé правослáвiе, воспретúвъ емý гл: враже Бжiй, йзчéзни и да загради́тся ѵстà твоѧ. И велѣ́лъ йхъ вы́слать вóнъ.

Архимандри́тъ и̂ протопопъ говори́ли полко́вникꙋ Дми́трею Жꙋ́ковꙋ, что́бы и̂́хъ велѣ́ть отвесть за̀ караꙋ́лъ, а́ послꙋша́нїѧ от ни́хъ по̀ симъ словесе́мъ ждати нѣ́чево.

Септе́врїа въ л҃. де́нь въ цр҃ковь прест҃ы́ѧ Бц҃ы ст҃ы́ѧ І̂ко́ны чꙋдотво́рнаго ѧ̂вле́нїѧ Каза́нскїѧ ко̀ ст҃о́й лїтꙋргїи повелѣ̀ и̂́хъ а̂рхимандитъ привестѝ, и̂ привелѝ тѣ́хъ раско́лниковъ Андрю́шкꙋ Іва́нова, съ дѣтмѝ съ Ѳе́дкою и̂ съ Іва́шкомъ, и̂ тѣ́хъ двꙋ̀ бра́тѡвъ Тїмо́шкꙋ и̂ Ва́скꙋ и̂ това́рыщѡвъ и̂́хъ Ѧкꙋ́шкꙋ и̂ Аѳо́нкꙋ.

И̂ раско́лникъ Андрю́шка вше́дъ въ тра́пезꙋ ст҃ы́мъ Ікѡ́намъ кла́нѧлсѧ и̂ кр҃тно̀е зна́менїе на̀ себѐ полагалъ, толкѡ двѣма̀ пе́рсты, а̂ дѣ́ти е̂во Ѳе́дка и̂ Іва́шко и̂ расколщики Тїмо́шка и̂ Ва́ска, и̂ това́рыщи и̂́хъ нѐ перекрести́лисѧ ника́кѡ и̂ стоѧли въ тра́пезѣ что̀ болва́ны.

И̂ по̀ Ѱалмѣ̀, Бл҃гословлю̀ Гд҃а, поучалъ и̂́хъ а̂рхимандритъ ѡ̂ о̂бращенїи ко̀ ст҃ѣ́й цр҃кви и̂ приводи́лъ ѿ писа́нїй, чесѡ̀ ра́ди троепе́рстное сложе́нїе и̂ чесѡ̀ ра́ди творѧ́тъ мл҃твꙋ, ю̂́же рещѝ: Гд҃и, Іи҃се Хр҃тѐ, Бж҃е на́шъ, поми́лꙋй насъ. И̂ пото́мъ и̂ ѡ̂ второ́й мл҃твѣ, ѧ̂ко обѣ мл҃твы цр҃ковь ст҃а́ѧ и̂мѣ́етъ, и̂ вкратцѣ̀ ѡ̂ пѧти̇̀ просфора́хъ, чесѡ̀ ра́ди прино́сѧтсѧ пѧть просфоръ во̀ ст҃о́й литꙋргі́и.

И̂ пото́мъ на̀ е̂́реси и̂́хъ раско́лничьѝ по́вѣсть приве́лъ ѡ̂ пꙋсты́нникѣ отстꙋ́пльшемъ от причаще́нїѧ и̂ отъ цр҃кве, е̂́го̀же ст҃ы́й Мака́рїй Єгѵ́птѧнинъ воскреше́нїемъ ме́ртваго от прелести ѡ̂брати́лъ ко ст҃ѣ́й цр҃кви.

И̂ по́слѣ ст҃ы́ѧ лїтꙋргїи велѣ́лъ а̂рхимандри́тъ тоѧ̀ цр҃кви слꙋжа́щемꙋ сщ҃е́ннику Іѡа́ннꙋ Харитѡ́новꙋ вы́тти со̀ кр҃то́мъ ст҃ы́мъ, что́бы тѣ́хъ раско́лниковъ ко̀ кр҃тꙋ привести.

И ка́къ сщ҃е́нникъ на́чалъ и̂́хъ кр҃то̀ бл҃гословлѧ́ти, и̂ о̂нѝ раско́лники отвраща́лисѧ, а̂ говори́ли: бꙋ́де де ѡ̂сѣни́шъ на́съ кр҃то́мъ, мы́ де и̂ ко̀ кр҃тꙋ̀ по́йдемъ.

Архимандри́тъ сказа́лъ и̂́мъ, что̀ кр҃то́мъ ст҃ы́мъ сщ҃е́нникъ о̂́бще всѣ́хъ ѡ̂сѣнѧ́етъ и тогѡ̀ ра́ди всѧ́комꙋ чл҃кꙋ то́чїю цѣлова́ти подоба́етъ ст҃ы́й кр҃тъ.

И̂ раско́лники па́ки проси́ли, чтобъ и̂́хъ ѡ̂сѣнѧли кр҃то́мъ

ст҃ымъ, и҆ мы̀ и҆́хъ ѡ҆бращéнїѧ ко ст҃ѣ́й цр҃кви хотѧ̀, ѡ҆сѣнѧ̀ и҆́хъ бл҃гослови́ли по̀ и҆́хъ прошéнїю, прилагáѧ кр҃тъ ст҃ы́й къ челꙋ̀ и҆ къ скаранїáмъ и҆́хъ.

И҆ потóмъ говори́ли и҆̀мъ: ви́дите, брáтїе, что̀ во̀ ст҃óй цр҃кви всѐ по̀ прéжнемꙋ̀ предáнїю ст҃áѧ слꙋ́жба совершáетсѧ, и҆ моли́ли и҆̀хъ въ поучéнїи со̀ всѧ́кою крóтостїю, чтобы о҆ни всѐ злоѐ своѐ смышлéнїе проти́вства ѡ҆стáвили и҆ о҆брати́лисѧ прóтивъ писáнїѧ, чи́таннаго и҆́мъ ѿ кни́ги Жезла̀ правлéнїѧ, ко̀ ст҃о̀й цр҃кви и҆ во̀ всéмъ бы покарѧ́лисѧ.

Раскóлники говори́ли: ꙋ҆ насъ де бóлши тогѡ̀ ничего̀ нѐ ꙋ҆слы́шите, что̀ мы̀ вáшего ничего̀ нѐ прїи́млемъ.

И҆ того̀ же днѝ о҆динъ от ни́хъ, раскóлщиковъ, раскóлщикъ Івáшко А҆ндрѣ́евъ ѡ҆брати́лсѧ было и҆ говори́лъ: что̀ де ѧ҆̀ виновáтъ предъ Бг҃омъ и҆ предъ ст҃óю цр҃ковїю, и҆ предъ Вели́кими Гдр҃и, и҆ предъ ст҃ѣ́йшымъ патрїáрхомъ, и҆ нынѣ̀ де ѡ҆бращáюсѧ ко̀ ст҃ѣ́й цр҃кви, нѐ бꙋ́дꙋ проти́витисѧ.

И҆ о҆ктѡ́врїа въ а҃ дѐнь, пришéдъ къ áрхимандри́тꙋ Ігнáтїю и҆ къ протопопꙋ Іѡáннꙋ, словéсно ст҃óй цр҃кви во̀ всéмъ покори́лсѧ и ѡ҆бѣщáлсѧ, что̀ ѿню́дъ къ раскóлникомъ не приставáть; и҆ áрхимандри́тъ и҆ протопóпъ тово̀ Івáшка от Бж҃ственныхъ писáнїй наказáвъ и҆ велѣ́ли е҆мꙋ̀ челоби́тнꙋю пови́ннꙋю принестѝ, и҆ ѿпꙋсти́ли е҆во̀ с караꙋ́лщиками на съѣ́зжей двóръ, и҆ того же дни тóтъ расколщикъ и҆зъ за караꙋ́ла ꙋ҆шелъ невѣ́домо кꙋ́ды, и҆ потомꙋ̀ знáтно, что̀ о҆́нъ бꙋ́тто ѡ҆брати́лсѧ, а҆ всѐ лéстїю.

Октѧбрѧ̀ въ г҃ дн҃ь посылáли áрхимандри́тъ Ігнáтїй и҆ протопóпъ Іѡáннъ къ стóлникꙋ и҆ полкóвникꙋ къ Дми́трїю Жꙋ́кову, чтóбы тѣ́хъ раскóлщиковъ А҆ндрю́шкꙋ и҆ Тімóшкꙋ е҆щѐ прислал на̀ ст҃и́телскїй двóръ длѧ̀ разговóрꙋ.

И҆ тѣ̀ раскóлщики пришéдъ по прежнемꙋ, по мнóгимъ нáшимъ разговóромъ и҆ ꙋ҆вѣщáнїемъ и҆ прáвилъ ст҃ы́хъ а҆п҃лъ и҆ ст҃ы́хъ о҆ц҃ъ предложéнїемъ, чини́лисѧ во̀ всéмъ не послꙋ́шны, и҆ говорилъ раскóлщикъ Тімóшка безчéстнаѧ словеса̀, и҆ называлъ всѣ́хъ е҆ретикáми, и҆ превы́шнїе ли́ца.

И҆ áрхимандри́тъ и҆ протопóпъ слышавъ такїе́ ꙋ҆кори́зны

превысоча́йшимъ ли́цамъ, велѣ́ли караꙋ́лщикомъ того̀ раско́лщика Тімо́шкꙋ закли́кнꙋть,[16]) и̂ та́кѡ оттогѡ̀ хꙋле́нія преста́лъ.

И въ то́-же вре́мѧ раско́лщики говори́ли: Ка́къ де о̂ц҃ъ на́шъ А̂ввакꙋ́мъ протопо́пъ пострада́лъ, та́кѡжде и̂ мы̀ хотимъ пострада́ти. А̂ и̂но́гѡ де ꙋ̂ на́съ бо́лши тогѡ̀, что̀ по́дали на̀ Москвѣ̀ Вели́кимъ Гдр҃емъ челоби́тнꙋю и̂ пи́сма, ни рече́й, ни писма̀ не бꙋ́детъ, да́ и̂ покарѧ́тисѧ де ва́мъ нелзѣ̀, бы́ де съ пр҃то́ла и̂ кр҃тъ снѧ́ли, а̂ то́е о̂ни́ говорѧ́тъ про̀ ст҃ы́й а̂нтіминсъ, что́ де прежде сего̀ былъ подъ покро́вомъ ст҃ы́ѧ трапе́зы, а̂ ны́нѣ де нѣтъ;[17]) и̂ пре́жде де сего слꙋжи́ли на седмѝ просфора́хъ, а̂ вы́ де слꙋ́жите надъ пѧтію̀ просфора́ми.

И а̂рхимандри́тъ и̂ протопо́пъ говори́ли: А̂ввакꙋ́мъ и̂зве́рженной протопо́пъ за̀ проти́вность свою̀ ѿ всегѡ̀ сщ҃е́ннаго собо́ра про́клѧтъ и̂ градски́мъ зако́номъ по ꙋ̂ка́зꙋ Вели́кихъ Гдр҃ей казне́нъ, а̂ нѐ по̀ Хрт҃о́вѣ цр҃кви пострада́лъ, и̂ ва́мъ послѣ́довати е̂мꙋ нѐ до̂с то́итъ, да̀ та́кожде казни́ми нѐ бꙋ́дете, а̂ ст҃а́гѡ кр҃та с̂ пр҃то́ла не снѧ́то, а̂ лежи́тъ и̂ нн҃ѣ на пр҃то́лѣ то́и ст҃ы́й А̂нтіми́нсъ подъ ст҃ы́мъ Е̂ѵ҃ліемъ, а̂ в̂ літꙋ́ргіи ст҃ѣ́й достоитъ пѧ́ть просфоръ приноси́ти. Пе́рвая просфора̀, изъ неѧ́же вынимаетсѧ ст҃ы́й А̂гнецъ; втора́ѧ просфора̀ въ че́сть прест҃ы́ѧ Бц҃ы; тре́тіѧ просфора̀ девѧти чиновъ; четвертаѧ просфора̀ ѡ̂ здравіи и̂ ѡ̂ спасе́ніи живы́хъ чл҃ковъ, за̀ бл҃гочестѝвыѧ цр҃и и̂ за̀ ст҃ѣ́йшіѧ патріархи, и̂ за ве́сь ѡ̂сщ҃енный собо́ръ, и̂ кꙋ́пно за̀ всѐ правосла́віе; пѧ́таѧ просфора̀ ѡ̂ ꙋ̂покое́ніи дꙋ́шъ ꙋ̂сопшихъ рабѡ́въ Бж҃іихъ, всѣ́хъ православныхъ хрістіанъ.

Раско́лники говори́ли: Мно́го де ѡ̂ то́мъ говори́ть нѣ́чевѡ, бꙋ́де де на̂ нѐ дадитѐ противъ на́шего писма̀ во́ли, мы̀ де ва́съ нѝ в̂ че́мъ слꙋ́шати нѐ хотимъ.

И̂ а̂рхимандри́тъ и̂ протопо́пъ говори́ли и̂́мъ: Вели́кіѧ Гдр҃и Цр҃и, и̂ Вели́кій Гд҃нъ ст҃ѣ́йшій патріа́рхъ, по̀ ва́шемꙋ челобитью̀ присылали на́съ къ ва́мъ, что́бы вамъ ра́зꙋмъ ѿ бж҃твенныхъ писаній пода́ти и̂ ва́ше сꙋмнѣ́ніе разрѣши́ти.

И что́бы вы̀ во̀ все́мъ, ѧ̂коже вамъ, по̀ бл҃гословѐнію вели́каго Гд҃на ст҃ѣ́йшаго патріа́рха, чита́хѡмъ и̂ ска́зовахомъ,

повиноꙋлꙗлисѧ: и бы къ томꙋ послꙋшанїю сотворити нѣ косхотѣлъ: и сегω ради вꙋди кровь ваша на главахъ вашихъ, стам цр҃ковь нѣ҆ же ѿ тогω свободна, нѣ ѿвинꙋѧлсѧ бо сказахомъ вамъ всю болю Бжїю и ст҃ым цр҃кви. И то имъ сказавъ, ѿтослали ихъ зане карабломъ къ столнико҃ꙋ и полкꙋвнико҃ꙋ на є҃҆ҁжей дворъ.

И тогω же числа, раскольники Андрюшка Ивановъ, да Мꙋшка Андр҃ѣевъ, да Трошка Михайловъ межъ себѣ ѿ томъ говорили на є҃҆ҁжемъ дворѣ, что онѣ напрасно вѣнїа слꙋшали раскольника Ивашка Страннова, и чтобы имъ паки ѿвратитисѧ къ ст҃ѣй цр҃кви.

И Октѧбрїа въ д҃ день, пришедше къ литꙋргїи къ соборнꙋю цр҃ковь, вышеписанныя раскольники Андрюшка Ивановъ с товарыщи и подали челобитнꙋю повинꙋю за рꙋкою Кинешемскїа соборныя цр҃кве сщ҃енника Григорїа Ѳеодорова. И къ челобитной ихъ пишетъ:

Великомꙋ г҃ꙋ ст҃ѣйшемꙋ Кꙋр҃ъ Іоакїмꙋ Москꙋовскомꙋ и всеа Россїи и всѣхъ с҃ѣверныхъ странъ патрїархꙋ бьютъ челомъ Ивана Самсонова сна Бꙋторлина, Кинешемскаго ѹ҃ѣзда, Вичевской волости, вотчины ѣкѣ, дрѣвни Колокольцовой крт҃ьмане, Андрюшка Ивановъ, да Мꙋшка Андр҃ѣевъ, да тоа же волости стапчегω Ѳомасья Алексѣева сна Ножнова, дрѣвни Некрасихи крт҃ьминъ Трошка Михайловъ: въ нынешнемъ г҃дѣ въ ҁ҃ѵ҃ѕ҃ годꙋ по ѹ҃казꙋ Великихъ Гдрей, а по ѿговорꙋ тоа же Вичевской волости дрѣвни Елинницы раскольника Тимошки Максимова, взяты мы сирωты ваши на Кинешмꙋ къ противности цр҃кви Бжїи, и въ разпросѣ своемъ по навѣнїю раскольника Ивашка Страннагω, которой своимъ прелестнымъ вѣнїемъ насъ вѣчилъ и ѿ цр҃кви Бжїи ѿлвчалъ, сказали, что въ цр҃ковь Бжью, дла премѣненїа печати на просфорахъ, ходить нѣ станемъ и ѿщевъ дховныхъ не прiемлемъ. И нѣ҆ мы слыша Спса Новагω митр҃а архимандрита Игнатїа ѿ кнгъ Бжтвеннагω писанїа правое вѣненїе, къ той своей противности Великимъ Гдремъ, и тебѣ ст҃ѣйшемꙋ патрїархꙋ принесли повиновенїе, и ст҃ѣй цр҃кви повинꙋемсѧ, какъ Бжтвенное писанїе повелѣваетъ,

и҆ в҆ цр҃ковь Бж҃ію ходи́ть бꙋ́демъ безъ всѧ́кагѡ лицемѣ́рїѧ и҆ нелѣ́стнѡ. Млт҃ивый Вели́кій Гд҃нъ Ст҃ѣ́йшій Кѵ́ръ Іѡакімъ Моско́вскій и҆ всеѧ Россі́и и҆ всѣ́хъ сѣ́верныхъ стра́нъ патріа́рхъ, пожа́луй на́съ, велѝ, Гд҃рь, къ цр҃кви Бж҃іи насъ привестѝ и҆ ѻ҆ц҃а̀ дх҃овнаго на́мъ принѧ́ть. А҆ что̀ мы̀ спе́рва в҆ распросѣ́хъ свои́хъ нѐ зна́ѧ сказа́ли, что̀ ты̀ Вели́кіи Гд҃нъ ꙋка́жешь. Вели́кій Гд҃нъ, сми́лꙋисѧ.

И а҆рхимандри́тъ и҆ протопо́пъ пови́ннꙋю челоби́тнꙋю ꙋ҆ ни́хъ принѧ́въ и҆ ꙋтвердѧ̀ и҆́хъ Бж҃ственнаго писа́нїѧ словесы̀, что́бы ѻ҆нѝ ст҃о́й цр҃кви и҆́стинно держалисѧ и҆ приказа́ли Ки́нешемскїѧ Соборныѧ цр҃кви протопо́пꙋ Іѡа́ннꙋ Матѳе́евꙋ над ними тогѡ̀ смотри́ть, каковѡ̀ и҆́хъ впре́дь послꙋша́ніе ко̀ ст҃о́й цр҃кви бꙋ́детъ.

А҆ кото́рыѧ раско́лщики Тімо́шка, и҆ Ва́ска, и҆ А҆ѳо́нка, и҆ Ѳе́дка ст҃о́й цр҃кви нѐ покори́лисѧ и҆ ѡ҆ста́лисѧ въ противле́ніи, и҆ тѣ̀ ѿданы̀ сто́лникꙋ и҆ полко́вникꙋ Дми́трею Жꙋ́ковꙋ на̀ с҆ѣ́зжей дворъ.

И҆ по̀ ꙋка́зꙋ Вели́кихъ Гд҃реи и҆ по̀ бл҃гослове́нію вели́каго Гд҃на ст҃ѣ́йшагѡ патріа́рха всѐ то̀ вышепи́санное ꙋчинѧ̀, поѣ́хали къ Москвѣ̀ Октѧбрѧ̀ въ пѧтый де́нь.

VI.

Примѣчанія къ тексту „Книги о посылкѣ Новоспаскаго монастыря архимандрита въ Костромской и въ Кинешемской уѣзды въ 195 г.“.

[1]) Зарожденіе и первоначальная исторія самоистребленія въ русскомъ старообрядческомъ расколѣ изложены нами въ книгѣ „Внутренніе вопросы въ расколѣ XVII вѣка“. Спб., 1898 г., гл. I, стр. 53—82, ср. 063—070.

[2]) „О молитвахъ Іисусовыхъ“, т. е. о молитвѣ Іисусовой въ двухъ чтеніяхъ: „Господи Іисусе Христе, *Боже нашъ*, помилуй насъ“, и „Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ“.

[3]) Псаломъ XXXIII, стихъ 12: значитъ рѣчь идетъ о „началѣ“ или эпиграфѣ „поученія“.

[4]) Стихъ 17-й.

[5]) „Жезлъ правленія“—извѣстная полемическая книга противъ раскола, написанная іеромонахомъ Симеономъ Полоцкимъ и изданная въ 1667 году отъ имени большого московскаго собора этого года.

[6]) 23 и 30-е возобличенія I части „Жезла“, представляющей опроверженіе челобитной попа Никиты, впослѣдствіи прозваннаго Пустосвятомъ.

[7]) „Капитонами“ въ XVII вѣкѣ назывались раскольники, по имени нѣкоего старца Капитона, одного изъ „первыхъ за вѣру стоятелей“ противъ патріарха Никона См. „Внутренніе вопросы въ расколѣ въ XVII вѣкѣ“ Спб. 1898 г., стр. XXXII—XXXV, примѣч. 45, а также стр. 0104, подъ словомъ: *Капитонъ*

[8]) „Повѣсть учинилъ, чесо ради у насъ римляне прокляти“ очевидно, для того, чтобы показать, что „римляне прокляти“ православными совсѣмъ не за почитаніе четвероконечнаго креста

[9]) Конечно изъ 21 и 22 возобличеній I части „Жезла правленія“.

[10]) Этотъ евангельскій текстъ Игнатій примѣняетъ къ самосожженцамъ и въ первомъ своемъ посланіи къ сибирской паствѣ, впрочемъ безъ примѣчанія объ „овинахъ“ и „снопахъ“, весьма любопытнаго, какъ и дальнѣйшее примѣчаніе объ „овинахъ“ и „ямахъ“. „Православный Собесѣдникъ“. 1855 г., кн. 1, посланіе 1, стр. 14.

[11]) Этотъ евангельскій текстъ Игнатій примѣняетъ къ самосожженцамъ въ третьемъ своемъ посланіи къ сибирской паствѣ, но тамъ говорится уже о „ямахъ“ подъ „избами“, или о „погребахъ“ (подвалахъ) „Православный Собесѣдникъ“, 1855 г, кн. 2, посланіе 3, стр. 126.

[12]) О церковныхъ кругохожденіяхъ не было рѣчи ни въ „Жезлѣ правленія“, ни въ „Увѣтѣ духовномъ“, изданномъ по повелѣнію патріарха Іоакима. Но въ „Дѣяніяхъ“ собора 1667 года относительно этого предмета было опредѣлено особое правило. Оно находится во 2 главѣ, въ ряду правилъ, которыя были „предложены“ восточными патріархами—александрійскимъ Паисіемъ и антіохійскимъ Макаріемъ. „Проувѣдѣхомъ и сіе,—сказано здѣсь,—яко въ великую субботу, на утрени егда входъ бываетъ, со святою плащаницею окрестъ церкве, подобне и во освященіи церкве, входъ со святыми мощами, около же церкве: не ходятъ по обычаю святыя восточныя церкве направо къ востоку но ходятъ налѣво къ западу, мудрствующе, яко по солнцу подобаетъ ходити. И то несмыслено мудрствуютъ: зане не согласно есть съ прочими чины церковными. Ибо егда хіротонисается діаконъ, или священникъ, или архіерей, во хіротоніи обхожденіе святыя трапезы съ хіротонисаемымъ бываетъ не налѣво по солнцу: но надесно противо солнца. Такожде и со святымъ евангеліемъ малый входъ, и великій входъ, со святыми дарми, направо противо солнца, а не по солнцу. И чинъ кажденія во святомъ олтарѣ окрестъ святыя трапезы, и въ церкви подобнѣ бываетъ Чесо убо ради творятъ разиство, входъ со святою плащаницею въ великую субботу, и входъ со святыми мощами, на освященіи церкве: и во святомъ крещеніи и вѣнчаніи. Каковое особное таинство въ сихъ показуютъ; ей, никакова: токмо суемудріе, и мятежъ, и расколъ. Лѣпо бо есть во святой церкви согласію быти, нежели расколу. Подобаетъ убо якоже есть чинъ входу со святымъ евангеліемъ, и со святыми дарми, и во хіротоніи діаконства, іерейства и архіерейства. Такожде и входу со святою плащаницею, и во освященіи церкве со святыми мощми, и во святомъ крещеніи, и вѣнчаніи быти. Да престанетъ суемудреныхъ, и расколниковъ безчинное преданіе, и да будетъ согласіе со святою восточною церковію: и со самыми прочими церковными чины, вышеописанными“.

[13]) Первыя статьи извѣстнаго „Уложенія“ царя Алексѣя Михайловича, подписаннаго (1649 г) и русскими іерархами во главѣ съ патріар-

хомъ Іосифомъ, за преступленія противъ вѣры и церкви узаконяли смертную казнь: „Кто возложитъ хулу на Господа Бога, или Христа Спасителя, или Богородицу, или *Крестъ Честный*, или на святыхъ угодниковъ Божіихъ, того сжечь", равно „казнить смертію" и того, кто „не дастъ совершить литургію, или какъ-либо иначе „учинитъ мятежъ" въ храмѣ. Поэтому и соборъ 1667 года, осудившій раскольниковъ, руководимый указаніями царя, опредѣлилъ, что „раскольниковъ" подобаетъ наказывать и „градскими казненіями" „Уложеніе", гл 1. ст 1 -3, стр. 4 по изд. 1737 года.—Дѣянія собора 1667 года, лл. 81—82

[14]) Любопытно это раскольническое истолкованіе противосолонія въ смыслѣ „заплеванія" на церковь Автору „Бразды духовной", написанной въ 1683 г въ Поморьѣ, приходилось опровергать, по тому же вопросу, иныя нелѣпости раскольническаго мудрованія. Объ этомъ читай въ нашей статьѣ: „Неизданное противораскольническое сочиненіе XVII вѣка: *Брозда духовная*". „Христіанское Чтеніе", 1900 г., т 2, стр 122.

[15]) Раскольники даютъ отвѣтъ на доводы „Жезла", изъ 23 возобличенія котораго Игнатій читалъ имъ о четвероконечномъ крестѣ. Отвѣтъ ихъ вполнѣ согласенъ съ разсужденіями о четвероконечномъ крестѣ протопопа Аввакума, у котораго, какъ видно, было взято въ кинешемскую челобитную и выраженіе объ „образѣ *мерзкомъ*" „Внутренніе вопросы въ расколѣ въ XVII вѣкѣ". Спб, 1898 г., гл IV, стр. 194—200.

[16]) По *Далю*—„закликнуть" значитъ „запретить", „унять".

[17]) Ср. въ „Жезлѣ" обличеніе и возобличеніе 24, въ I части.

П. Смирновъ.

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Общественных наук
Академии Наук СССР

Извлечено изъ кн. «Христіанскаго Чтенія», 1903 г

Типографія М. Меркушева. Невскій пр., № 8.